

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Последний штурм

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников

Последний штурм

«ЭКСМО»

2005

Тамоников А. А.

Последний штурм / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2005 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-20301-X

В арабском эмирате Кунир взорвалась машина с главой правительства непризнанной Республики Ичкерия. Взорвали ее сами чеченцы, но теракт был обставлен так, что обвинили в его подготовке полковника Службы внешней разведки Карнаухова. Эмирский суд скорый, и полковника приговорили к смерти. На его выручку послали майора спецназа Андрея Сургина, ведь он способен действовать в самых необычных условиях. Что ж, в особо охраняемую тюрьму Сургин проникнуть сможет, но выбраться из нее вместе с полковником, пожалуй, будет нелегко...

ISBN 5-699-20301-X

© Тамоников А. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Тамоников

Последний штурм

Часть I

Отвлекающий маневр

Глава 1

Тучи еще днем кружились вокруг острова Рыбачий, разделявшего русло Волги на две почти равные части. То они заходили с запада, со стороны поселка Некрасовска, что находился километрах в двадцати от реки, то свинцовая полоса перемещалась на юг, накрывая Большой остров и городок Приволжье, с лежащими на противоположном берегу селами Сазоновка и Ропша. Рано или поздно, но перенасыщенные влагой тучи где-то сбросят свой тяжелый груз. Возможно, кратким ливнем, возможно, долгим затяжным дождем. Совсем не подходящая для нормальной рыбалки погода. Потому остров сегодня, в среду 8 июня, был практически пуст. На самом мысе, смотрящем на переброшенный через Волгу автомобильный мост, стояла оранжевая четырехместная палатка, да три поменьше укрылись в роще, занимающей середину острова. Забросив донки, двое мужчин кавказской национальности, как это принято сейчас говорить, лежали на надувных матрасах внутри оранжевой палатки, курили и тихо о чем-то разговаривали. Их машина, старенькая «семерка» с местными номерами, стояла на правом берегу в зоне видимости рыбаков, надувная лодка, вытасченная на песчаный берег острова, сушилась под пока еще пробивающимися через облака лучами солнца. Колокольчики на лесках шести донок, подвешенных над берегом с помощью самодельных рогатин, молчали, лишь качаясь от накатов небольшой волны. Поэтому мужчинам ничего не оставалось делать, как лежать в палатке и вести ничего не значащие разговоры. Пока ни подлещик, ни сазан, ни окунь, ни даже ерш не давали о себе знать! Что ж, рыбалка дело такое, оно терпение любит. Сейчас не клюет, а к вечеру или на утренней зорьке, глядишь, пойдет так, что только леску из воды успевай вытаскивать! Место-то все же рыбное, а погода – она изменчива! И надвигающийся дождь даже к лучшему. Пролет ночью, утром как раз лов пойдет! После дождя оно почти всегда так! И хотя кавказцы имели весьма отдаленное представление о русской рыбалке и вели себя на берегу, следуя инструкциям начальника и старого деда, выросшего на Волге, выглядели они естественно на общем фоне. Вот и сейчас один из них, по имени Муса, вздохнув, обратился к напарнику:

– Пора, Илес, леску мотать, червей, я их маму, менять!

Илес Илисханов поморщился:

– А может, ну их к шайтану? Таскай туда-сюда эти донки. Все равно ничего не поймает!

Муса спросил строго:

– Ты забыл, для чего мы здесь? Тебе напомнить?

Илисханов медленно поднялся:

– Да ладно, ладно, пошли! Все я помню, но червей менять не буду! Противно!

Муса Юсупов, а это он был старшим среди рыболовов-кавказцев, усмехнулся:

– Ты их, этих червей, Илес, если надо не только насаживать на крючок будешь, ты их жрать будешь, заедая навозом! Понял, ...брат?

Илисханов пошел на попятную, прекрасно зная дикий, жестокий нрав Юсупова, или Сварщика, как его чаще называли на базе Вахида, одного из полевых командиров самого Нур-

паши Гулаева. Муса работал раньше сварщиком на одном из заводов Грозного, только когда это было? Даже не перед первой войной, а года за три до нее. Юсупов сразу пошел за Дудаевым, как только тот объявил независимость Ичкерии. Илес же примкнул к боевикам позже, когда русские вошли в Чечню. И примкнул, можно сказать, случайно. Илисханов до конца 1994 года спокойно жил и работал водолазом в Мурманске! Но в декабре девяносто четвертого в Ачхой-Мартане умер его брат, и Илес отправился в Чечню. На похороны он не успел, брата предали земле до заката солнца в день смерти, но долг свой выполнил. Руководство пароходства предложило Илисханову полноценный отпуск, и Илес решил встретить Новый, 1995 год в Грозном. Если бы он знал, что произойдет в ту злополучную ночь с 31 декабря на 1 января девяносто пятого года? Но Илес этого знать не мог, хотя слухи о вторжении российских войск в Чечню ходили давно. Республика гудела, как встревоженный улей, и... готовилась к войне, в принципе надеясь на то, что Ельцину с Дудаевым все же удастся договориться и все обойдется без крови. Напрасно надеялись. В Кремле все уже было решено, и войска получили приказ на выдвижение к Чечне. Илес, прибыв в Грозный 31 декабря, увидел на улицах много вооруженных людей, он слышал, что город блокирован и что русские вот-вот начнут штурм. Хотел вернуться в свое селение, но его остановили на выезде. После короткого разговора вооружили и отправили вместе с другими горожанами в распоряжение Вахида Мулдашева, тогда еще носившего форму офицера милиции. Будущий известный полевой командир до войны служил инспектором ДПС в ГАИ Грозного. Правда, форму бывший гаишник уже носил без погон, с какой-то лычкой вместо них. Он-то, Мулдашев, наскоро сколотив отряд, в который вошел Илисханов, и вывел своих ополченцев на площадь Минутку, где каждому была определена позиция в подвалах на первых этажах жилых, но опустевших вдруг близлежащих домов.

А затем... затем наступила ночь! А с ней все то, что до сих пор заставляет Илеса вздрагивать во сне! Начался кошмар. Кровавая, бессмысленная бойня! 2 января отряд Мулдашева отвели за черту Грозного, где его боевикам пришлось столкнуться с мотострелковым подразделением федеральных войск. Бой длился менее получаса. Чеченцы имели преимущество в количестве, вооружении, а главное, в психологическом состоянии. Молодые русские солдаты, явно не понимая смысла происходящего, но выполняя приказы своих офицеров, которые тоже вряд ли точно знали, что делать, открыли огонь по отряду противника и были смяты, частью убиты, частью ранены, частью пленены. Но никто возиться с пленными и ранеными не стал. Тогда еще ненависть искусственно созданной вражды не достигла той величины, чтобы убивать безоружных и раненых. Пехотный взвод обезоружили и оставили на их позициях, пройдя сквозь подразделение, уходя в заданный район, маршрут к которому знал лишь Мулдашев. С этого момента и стал сугубо мирный человек Илес Илисханов боевиком. Война навсегда оторвала его от семьи в Мурманске и сломала всю дальнейшую жизнь. Первые недели нового кровавого девяносто пятого года Илес еще не оставлял надежды, выбрав момент, покинуть банду Мулдашева, но российский самолет разбомбил дом его родителей в Ачхой-Мартане, похоронив под его обломками и отца с матерью, и сестру с двумя ее детьми! Узнав об этом, Илисханов поклялся отомстить, навсегда отбросив мысль о возвращении в Мурманск. Клятва связала его с бандитами кровавыми узами. Он должен был воевать против русских, и он воевал! Воевал как мог! И вот позади десять лет этой проклятой войны! И сейчас он в России, на острове посередине Волги. Отсюда и до Мурманска не так уж далеко. До города, где осталась его семья, жена Наташа и сын Руслан, о которых Илес ничего не знал с того дня, как поехал на похороны брата. Может быть, жена и помнит его, вспоминает когда-нибудь, но скорее считает погибшим. Сын ничего помнить не может, ему было три года, когда отец уехал в Чечню. Сейчас ему уже тринадцать. Большой. А может, у них и мужчина другой? Новый супруг и приемный отец. Почему нет? Наташа – женщина привлекательная, добрая, хозяйственная. Такую еще поискать. Да и мужиков на верфи холостых было немало. В конце концов, жена тоже имеет право на нормальную жизнь, и не ее в том вина, что муж оставил ее с сыном, так и не подав о

себе ни единой весточки за десять последних лет. Дав вполне обоснованный повод считать его сгинувшим в кровавом водовороте чеченской войны! А ведь мог Илес связаться с Натальей, когда в Хасавюрте было подписано перемирие и русские на время ушли с его земли. Мог! Но не сделал этого. Почему? Потому, что тогда рядом с ним была Айна? Женщина, ставшая ему второй женой? Позднее сбежавшая от него к самому Хаттабу и пропавшая в горах Кавказа вместе со всесильным арабом? Или потому, что не мог Илес сказать Наталье правду о себе? Нетрудно представить, как бы смотрели на нее и сына соседи по работе и в школе, по дому и даже району, зная, что Илес боевик, проливающий кровь их земляков. Поэтому пусть лучше будет так, как есть! Он уехал в Чечню перед войной, откуда не вернулся. Значит, погиб!

Вытащив леску первой донки, Илес выругался:

– Шайтан бы побрал эту рыбу! И червей сожрали, и на крючок ни одна не попалась!

Сзади раздался голос, заставивший Илисханова невольно вздрогнуть. Незнакомый подошел неслышно. Или это погруженный в свои безрадостные мысли Илес не услышал шагов? Незнакомым оказался молодой парень, что разбил свою палатку в роще ближе всех к чеченцам. Он, глядя на пустые крючки, спросил:

– Что, друг, не идет рыбалка?

Илес повернулся к нему:

– А у тебя идет?

Сосед по острову вздохнул:

– И у меня пусто! Но у вас, я гляжу, рыба червя грызет!

Илисханов проговорил:

– Уж лучше не трогала бы!

– Ну не скажи! Если хватает, попадется! Хотя погодка сегодня для рыбалки, признаться, никакая! Может, ты неправильно наживу насаживаешь?

Илес подозрительно скосился на парня:

– По-твоему, ты один все правильно делаешь?

И насадил червей на крючок! Так, как его учили перед тем, как забросить на этот чертов остров.

Сосед оценил действия чечена:

– Беру свои слова обратно. С наживой порядок. Значит, поймаешь!

И неожиданно спросил:

– А вы издалека приехали?

Илес бросил взгляд на Юсупова, которого тоже насторожил вопрос неизвестного, но к которому они оба были готовы. Поэтому Илисханов произнес небрежно:

– Сами из Ростова, не из того, что рядом, а из того, что на Дону! Родственники у нас тут живут. Вот и посоветовали сюда съездить! Удовольствие, говорили, получите неопишное, Волга – это, мол, не Дон, только я скажу тебе, парень, на Дону за все время, пока тут торчим, окуней натаскали бы уже с десяток! Хотя я не любитель рыбалки. Это брат, да, тот при любом удобном случае на реку, а я нет. Так, за компанию!

Сосед кивнул головой:

– Понятно! А я из Рачинска, Генкой зовут!

Илес ответил:

– Очень приятно! А сюда на чем добрался?

Геннадий усмехнулся:

– Ясный палец, не на своих двоих. «Москвич» у меня на левом берегу реки. И лодка за рощей. Я ею только для переправы пользуюсь! А ловлю с берега! Вот так-то!

Геннадий посмотрел в сторону моста, на юг. Там небосклон вновь начали затягивать тучи. И ветер подул в лицо. Произнес:

– Быть дождю. Теперь уж точно быть.

И предложил:

– Может, поужинаем вместе, мужики? У меня самогончик имеется! Первачок, похлеще спирта. И закуски валом, баба на три дня собрала, а?

Илес взглянул на Мусу. Тот, забросив крайнюю левую донку, поблагодарил:

– Спасибо, земляк. Но мы, знаешь, не пьем. Да и спать ляжем рано. Тем более если дождь пойдет. Отдохнем, только вчера приехали. Так что ты найди себе кого-нибудь другого. И не обижайся. Пойми правильно.

Геннадий развел руки:

– Да какой базар, мужики? Нет, так нет. Какие могут быть обиды? Мое дело предложить, ну а ваше... Ладно, пошел я, на той стороне собутыльника поищу, а не найду, тоже не печаль. И один выпью. Удачной рыбалки!

– Спасибо, Гена! Тебе того же!

– Утром встретимся, пока!

Развернувшись, молодой человек пошел вдоль берега, обходя рощу, видимо, к палаткам, что стояли на другой стороне. Как только он скрылся, Муса сказал:

– Ничего странного в этом Гене не заметил, Илес?

Илисханов пожал плечами:

– Да нет. Парень как парень. Видно, любитель выпить. От него и при разговоре перегаром тянуло! Рыбак, одним словом, но на рыбалку, по-моему, больше ездит потому, чтобы одному вволю самогону напиться, дома, наверное, жена за это дело гоняет. У русских так – баба всему голова. А мужики, особенно в деревнях, рабочие ослы или пьянь беспробудная. Жил среди них, знаю.

– Хоп! Давай, заканчивай с донками, я в палатку, оборудованием и снаряжением займусь, пока не стемнело.

Муса скрылся в палатке, оставив продолжавшего проклинать рыбалку подельника на берегу.

Молодой же человек, представившийся чеченцам как Геннадий, обошел рощу, никого не призывая разделить с ним ужин, и также укрылся в своей палатке. Приоткрыв полог так, чтобы видеть соседей, достал из кармана портативную рацию. В эфир ушло:

– Кедр! Я – Рыбак! Прошу ответить!

Тут же:

– Кедр на связи, что у тебя, Рыбак?

– Пока все нормально. Объект контролирую.

– Как ведут себя клиенты?

– В общем, спокойно, но настороженно. В контакт вступили неохотно, от приглашения провести вечер вместе отказались, правда, вежливо объяснив причину отказа и извинившись.

– Чем занимаются сейчас?

– Один меняет наживу на снастях, другой, старший, в палатке.

– Твой второй номер на позиции?

– Так точно.

– Хорошо, Рыбак. Как только кавказцы начнут действовать, доклад мне!

– Я помню задачу, Кедр.

– Тогда до связи.

– До связи.

Отключив рацию и спрятав ее в кармане легкой куртки, капитан спецгруппы Управления ФСБ Геннадий Арбатов разложил посередине палатки клеенку, на которую выставил из рюкзака пластиковую полуторалитровую бутылку настоящего первача, хлеб, мелко нарезанное сало, луковицу, немного колбасы, пакет с вареной картошкой и комбинированный нож. Осмотрев стол, достал из потайного отсека рюкзака прибор, увеличенный в размерах дик-

тофон, соединенный тонким проводом с микрофоном, представляющим собой удлиненный узкий стержень. Положил его на днище, выставив одним концом в специальное отверстие палатки у самой земли, направив на оранжевую палатку. Включил прибор, вставив в ухо беспроводной динамик размером с копейку и закамуфлированный под ватный тампон, настроил его так, что звуки в палатке чеченцев стали отчетливо слышны, привел в действие записывающее устройство. Накрыв прибор одеялом, капитан прилег возле клеенки, налил кружку самогона, сделал бутерброд и начал слушать то, что происходило на объекте, за которым ему было поручено вести тщательное наблюдение.

Естественно, чеченцы ни о какой прослушке даже не догадывались. Илес, покончив наконец с донками, вернулся в палатку, где Муса между тем разложил свой ужин. Немного жареной холодной баранины, лепешку и термос с зеленым чаем. Поужинали они быстро. Дольше пили чай. Илес достал из портсигара папиросу, показав ее Юсупову и предложив, вернее, спросив разрешения:

– Дернем по паре затяжек, Муса? Дурь отборная, из индийской конопли!

Юсупов прострелил взглядом своего единственного подчиненного:

– Ты в своем уме, Илес? Да от анаши по всему острову аромат распространится!

– Ну и что? Мало ли кто как кайфует? Сосед Геннадий самогон жрет, как и все остальные рыбаки, мы травкой балуемся. Кому до кого какое дело? Или тут менты пасутся?

Но Муса одернул напарника:

– Никакой травки! Дело сделаем, уйдем отсюда, дома хоть до чертиков обкурись своей дури! А сейчас нельзя. Запрещено. И спрячь подальше свой портсигар, пока он на дно реки не опустился!

Илес вынужден был подчиниться.

Допив пиалу уже остывшего чая, он откинулся на надувной матрас и уставился в потолок. О предстоящей работе не думал, так как она являлась его бывшей профессией, за исключением того, что надо было сделать под водой, но и об этом не хотел думать Илисханов. Сориентируется. Да и вообще, после размышлений о своей жизни и при явной недоброжелательности Юсупова, что диктовалось излишней нервозностью последнего, думать Илесу ни о чем не хотелось. Даже о тех деньгах, которые обещаны ему за работу. Раскумарился, и настроение поднялось бы, но Муса не дал. Испугался! Кого? Чего? Ну и черт с ним. Пусть один готовит снаряжение. Илес закрыл глаза и неожиданно уснул. Словно сознания лишился. И приснилась ему Наташа с трехлетним Русланом. Их небольшая, уютная квартира в Мурманске. Приснился парк, в котором они любили гулять по выходным, и кафе в нем, где Наташа всегда брала мороженое, а он бутылку пива. И было им троим хорошо. И были они тогда счастливы. Илес проснулся, увидев, что Муса продолжает убирать остатки ужина. Значит сон длился какие-то секунды, но успел вобрать в себя столько, что Илесу захотелось быть раненым волком! Настолько сильно пронзила его боль воспоминаний той прежней, светлой жизни, которая так внезапно и нелепо оборвалась из-за проклятой войны. Комок подступил к горлу чеченца, и он вынужден был подняться, прикурить обычную сигарету, чтобы дымом, если что, объяснить Мусе, отчего на его глазах выступили слезы. К тому же сигарета успокаивала. Юсупов не обратил на состояние подельника никакого внимания. Убрав тряпицу с крошками хлеба и чайник с пиалами, он достал из угла палатки сдвоенный ранец. Извлек из отсеков пластмассовые коробки. Осмотрел их.

Илес, затушив окуроч, вновь опустился на матрас, приказав себе не думать о Наталье. До начала работы оставалось не так много времени. За окошком палатки заметно потемнело. Да и пора бы. Время приближалось к десяти вечера. По брезенту ударили первые капли дождя. Но в ливень он не перешел, а нудно застучал мелкими дождинками, обозначив свой затяжной, нелетний характер. Что ж. Этот дождь был на руку чеченцам. По крайней мере он загонит тех немногочисленных рыбаков, что оказались сегодня на Волге, в свои палатки, и они или

уснут, или начнут пить самогон. Потому как больше делать нечего. Всем, кроме Мусы и Илеса. Чеченам предстояла бессонная ночь. Хотя все зависело от того, как сложится обстановка на реке. А то может и ночи не хватить. Но это при самом худшем варианте. Оптимально и по графику Илес должен закончить работу за три часа. А начало запланировано на 0-30! Чтобы до рассвета успеть вернуться в палатку. И главное, никем не замеченным. Впрочем, забота о прикрытии действий Илисханова возлагалась на Юсупова. И тут ему неплохую услугу оказывал начавшийся дождь. Лишь бы он не ушел в сторону хотя бы до полуночи. Илисханов, на этот раз лежа, вновь закурил.

Муса недовольно пробурчал:

– Ты чего раздымился? Курил только что!

Тут уже Илес не удержался:

– Может, ты мне еще и дышать запретишь? А то и в реку сам пойдешь? А, Муса? Я не против! Попробуй. Вода, правда, здесь мутная, красоты никакой, да и темень вокруг. Днем, оно веселее...

Юсупов оборвал подчиненного:

– Хватит трепаться, Илес! Каждый будет делать свое дело, определенное Вахидом. А с сигаретой, если невтерпех, иди в тамбур. Там дыми на улицу, сколько влезет! Но лучше займись собственной подготовкой. Проверь свое снаряжение!

– Еще не время. Я знаю, когда и что делать. Так что за меня не волнуйся!

Мусе не понравился тон подчиненного. И он, взглянув на часы, приказал:

– Иди-ка, пройдишь вдоль берега! Донки посмотри. Пару проверь!

– Но зачем? Кто их в дождь проверяет?

Юсупов четко, глядя в глаза Илисханову, произнес:

– Ты... брат, Илес, и проверишь. Или тебе что-то неясно?

Илес вынужден был подчиниться, решив больше Юсупову не перечить. Толку от этого никакого, а проблем – пожалуйста, хоть и мелких, но неприятных.

Вернувшись, Илес доложил:

– Все нормально, шеф! На берегу тишина и покой, только волны да дождь.

– Как ведет себя наш сосед?

– А шайтан его знает. Я к нему не заглядывал, пьет, наверное, в палатке «летучая мышь» горит, да тень иногда по брезенту мелькает!

– Он один?

– Похоже, один, и спать не собирается.

– Это плохо. Но если пьет, скоро уснет. У нас еще есть время до начала работы.

В 23.00 свет в палатке Геннадия погас. Это было отмечено боевиками. В 23–15 Муса сам вышел на улицу, стараясь быть незамеченным, обошел остров, особое внимание уделив палатке соседа. Из нее доносился пьяный храп. Удовлетворенный осмотром, он вернулся на место и приказал:

– Давай, Илес, надевай свою амуницию!

Илисханов молча разделся, вытащил из мешка акваланг, маску, ласты. Облачился в снаряжение для подводного плавания. Проверил работу дыхательного аппарата, манометра. Все было в порядке. Муса тем временем поставил перед ним контейнер из легких сплавов:

– В первом и втором отсеках заряды. В третьем – провод и скобы, хомуты, молоток и зубило, в четвертом – электродетонатор с антенной и взрыватели. Как и что делать, ты в курсе.

– В курсе, Муса, в курсе!

– Порядок возвращения напоминать не надо?

– Ну, если больше нечем заняться, то напомни.

Юсупов бросил на подельника недовольный взгляд.

- Обойдешься! Ты знаешь, что будет с тобой, если заряды в нужное время не сработают.
- Знаю. Впрочем, с тобой, Муса, будет то же самое. Но, ладно, не будем собачиться,

начнем работу.

Юсупов вновь вышел из палатки, прошелся вдоль берега. Ночь стояла темная, в двух метрах ничего не видно. Да еще дождь. Подошел к палатке, ударил ладонью по материи, услышал:

– Иду!

И тут же увидел Илисханова. Тот был похож на инопланетянина. За спиной – баллон сжатого воздуха, на груди, над лямками крепления акваланга, – контейнер, поверх него – шланг среднего давления с дыхательным аппаратом. Маска поднята на лоб, в руках ласты. Илес перемещался медленно. Груз на себе он нес приличный.

Муса спросил:

– Не утонешь? Может, отцепим контейнер и прицепом его потащишь?

Илес усмехнулся:

– Я не утону, Муса. А под водой, да будет тебе известно, вес любого предмета снижается.

Физику в свое время учить надо было.

Юсупов огрызнулся:

– Помолчал бы, умник. Я физику не знаю и знать не хочу, но зато стреляю хорошо!

– Да, этого у тебя не отнять.

Илисханов надел у самой воды ласты, вставил в рот загубник, открыл вентиль баллона, опустил маску, развернулся спиной к мосту, махнул рукой начальнику и так задом вошел в реку. Вскоре мгла поглотила его.

А из палатки соседей чеченцев капитан Арбатов вызвал генерала Потапова:

– Кедр! Я – Рыбак.

Начальник одного из специальных управлений ФСБ ответил немедленно:

– На связи!

– Докладываю, Кедр. Гости с Кавказа начали работу. Ровно в 0.30 Илес с контейнером и аквалангом вошел в реку.

– Хорошо. Ждем его возвращения и вводим в акцию Ихтиандра. Как тот выполнит свою задачу, вновь доклад мне.

– Но это будет под утро, Кедр?! В лучшем случае.

Генерал успокоил подчиненного офицера:

– Ничего. Я подожду. Вы, главное, не засветитесь там. Не дайте повод чеченам почувствовать неладное. И поаккуратней с ними.

Капитан ответил:

– Я все понял, Кедр!

– Вот и хорошо. Работай, Рыбак! Отбой!

Геннадий, отключившись, устроился удобней возле окошечка палатки, у прибора ночного видения, который позволял ему видеть все, что происходило в секторе наблюдения. А также слышать то, что доносилось из палатки боевиков. А там, проводив подельника, Юсупов вызвал по рации какого-то Старика. Тот ответил так же быстро, как и Потапов Арбатову. Этой ночью, видимо, немало людей бодрствовало.

– Слушаю тебя, Сварщик.

– Илес ушел в реку по графику.

– Хорошо. Обстановка на острове спокойна?

– Спокойна.

– Работайте! Жду доклада о выполнении поставленной задачи. После чего уточним ваши дальнейшие действия.

Связь между Юсуповым и Стариком оборвалась, и в палатке боевиков наступило молчание, которое продолжало исправно записываться на пленку магнитофона.

Илес, оказавшись в реке, отплыл от острова, и течением понесло его к мосту, до которого было около восьмисот метров. Чтобы не пройти под ним, включил фонарь, приняв ближе к правому берегу. Луч помогал слабо, упираясь в толщу черной воды, как в стену, но все же позволял худо-бедно выдерживать нужное направление. То, что мост близко, Илес определил по мусору, лежавшему на неровном дне. Его стало больше, и представлял он собой различные бетонные и металлические конструкции в виде обломков плит, каких-то изогнутых арматурных каркасов. Илсханов замедлил движение, и вскоре свет его фонаря осветил огромную бетонную глыбу – «подушку» правой сдвоенной опоры. Илес, поднявшись, зацепился за край этой «подушки». Она представляла собой прямоугольный, уходящий в грунт дна блок метров шесть в ширину, двадцать в длину и три в высоту. Такую махину имеющимся у чеченца количеством взрывчатого вещества не то что не срезать, даже не расколоть. Но этого и не требовалось. Цель террориста-подводника – круглые, диаметром по четыре метра опоры, поднимающиеся от «подушки» и держащие балки пролетов моста. Их и следовало заминировать.

Илес подплыл к ближней опоре, осмотрел ее со всех сторон. Увидел выпирающую наружу решетку – основу железобетонной конструкции. Открыв крышки отсеков контейнеров, вытащил первый пластмассовый короб со взрывчаткой. Сбоку короба отверстие, а по углам короткие стержни, оканчивающиеся карабинами. Приставил короб к решетке. С помощью хомутов, частью просунутых через карабины, частью под арматуру опоры, закрепил взрывчатое устройство. Извлек из контейнера взрыватель, вернул его в боковое отверстие короба. К взрывателю присоединил конец провода. Осмотревшись, подплыл к дальней опоре, у которой в том же порядке, но уже зацепившись за кабель, проложенный по дну, установил второе устройство. Провод пришлось зачищать, чтобы вставить в клемму взрывателя. Делить электропроводку на две автономные части он не стал, посчитав, что это совершенно не нужно. Можно и параллелировать взрыватели, далее протянув провод одной нитью, что было легче, не отнимало времени и на результат работы никак не влияло. Все равно концы на месте установки электродетонатора пришлось бы сводить вместе. Опустившись на дно, Илсханов медленно двинулся от моста ниже по течению, разматывая провод и вгоняя его в ил с помощью скоб. Таким образом ему следовало пройти под водой еще с километр. Хорошо, что запаса воздуха в баллоне достаточно. Спустя два часа, в 3.40, Илес вышел на правый, поросший густым кустарником берег. Сняв маску, ласты и отключив дыхательный аппарат, опустился на узкую полосу прибрежного песка, на который методично накатывали небольшие волны, шелестящие под каплей вновь начавшегося мелкого дождя. Прикрываясь от влаги, чеченец все же выкурил заветную папиросу с анашой, которую втайне от Юсупова спрятал в плавках, уложив вместе с зажигалкой в водонепроницаемый портсигар. Почувствовал легкость во всем теле. Настроение резко улучшилось, теперь для него и дождливая ночь, что солнечный день. Как говорится, и жить хорошо, и жизнь хороша! Тем более когда в голове кайф и основная работа позади. Основная, но не вся! А посему, расслабившись на десяток минут, Илес заставил себя подняться и войти в заросли. Пройдя метров десять до первого дерева, осмотрел местность, освещая лес фонарем. Увидел старый пенек с торчащим вверх обломком ствола березы, не до конца спиленного и сваленного лесорубами года два назад. К нему чеченец и прикрепил электродетонатор с короткой антенной. Подсоединив к нему провод, забросал пенек хворостом.

Сделав дело, вновь вышел к реке. Плыть против течения тяжело, особенно после косяка анаши, когда так и тянуло прилечь. Однако возвращаться надо. Но не по реке. До моста можно и бегом пройти, все одно в такую погоду у воды никого не будет, ну а дальше, дальше можно и опять под воду. Приняв решение, Илсханов пошел в сторону заминированного им моста. Пройдя под ним, вновь вошел в воду, но поплыл вдоль берега, где течение было слабое. Часто выныривая на поверхность, определял расстояние до острова. Когда, наконец, оказался чуть ли не напротив своей оранжевой палатки, резко изменил направление движения на 90. При-

жимаясь ко дну, доплыл до одной из донок и дважды дернул за леску. Если на острове все спокойно, Муса также ответит подергиванием снасти, и тогда можно будет выбираться на берег.

Юсупов лежал у выхода из палатки, напряженно вслушиваясь в ночь. Но слышал пока лишь шум дождя. В свою очередь за Юсуповым следил капитан Арбатов. Он одновременно с Мусой через динамики дистанционного прослушивающего устройства услышал слабый звук задребезжавшего вдруг колокольчика. Капитан припал к окулярам прибора ночного видения.

Юсупов вышел из палатки, определил, какая из донок подала сигнал, прошел к ней и дважды дернул за леску, устремив взгляд на черную, пузырящуюся от капель дождя поверхность реки. Через секунды увидел лопающиеся пузыри воздуха, которые, появляясь через равные промежутки времени, начали приближаться к берегу. Это Илес, выдыхая отработанный воздух, плыл к берегу. Спустя три минуты аквалангист с напарником вошли в палатку. Илсханов тут же сбросил с себя снаряжение и повернулся к начальнику спиной, снимая плавки. Так, чтобы Юсупов не увидел портсигара. Одновременно докладывая о проделанной под водой работе, Илсханов переоделся, прилег на надувной матрац.

Юсупов, закончив возню с контейнером, спросил:

– Так, значит, все сделал по уму?

Илес протянул:

– Обижаешь, Муса! Хочешь, проверь работу! Активируй электродетонатор и увидишь, как вся правая часть моста рухнет в воду! Если, конечно, имеешь пульт привода детонатора и право воспользоваться им!

Юсупов взглянул на водолаза, прищулив веки, и спросил:

– А что это ты разговорился, брат? И глаза вдруг заблестели? Дурь при мне ты не курил! В чем дело, а?

Илсханов рассмеялся:

– Ну ты даешь, Муса! Если я при тебе не курил анашу, то тогда где, как и от чего мог кайфануть? Ведь я же под водой был, брат! Под... водой! Даже если и взял с собой косяк, то в лесу, где оставил детонатор, вытащил бы уж не знаю откуда, из плавков что ли, один лишь мундштук! А дурь уплыла бы к рыбам! Зачем ты задаешь глупые вопросы? Зачем наезжаешь без дела? Я тебе что, мальчик? Глаза у меня заблестели! На себя бы посмотрел, проведя пару часов в реке!

Юсупов посмотрел на часы:

– 5.10! Надо доложиться Старика да хоть немного отдохнуть. Если он даст время на отдых.

Илес заверил начальника:

– Даст! Куда денется? Не прикажет же прямо сейчас валить с острова? Это может вызвать подозрение, а Старикау оно нужно? Нет, готов спорить, до вечера как минимум Старик заставит нас рыбачить тут.

– Посмотрим. Помолчи, пока я свяжусь с ним, но будь готов лично сообщить подробности своего плавания.

– Сообщи, если надо. Какие проблемы?

Юсупов, вновь бросив подозрительный взгляд на подельника, все же тот вел себя слишком раскованно, бросил в эфир:

– Старика вызывает Сварщик!

Ответ последовал немедленно:

– Слушаю тебя, Сварщик!

– Объект обработан и подготовлен к демонтажу по ранее определенной схеме.

– Хорошо. Надеюсь, работа выполнена качественно?

– Так точно. Если желаете узнать подробности...

Тот, кто называл себя Стариком, прервал Юсупова:

– Нет. Не вижу в этом никакой необходимости. Находитесь у объекта до обеда. В 13.00 сворачивайтесь и уходите к Племяннику. У него ждать сигнала на начало активных действий. Племянник же сообщит вам маршрут отхода после демонтажа объекта. Вопросы ко мне есть?

Муса ответил:

– Пока нет.

– Успешной охоты и удачного возвращения. С этой минуты связь только по необходимости.

– Я все понял, Старик.

– Тогда конец связи, Сварщик!

– Конец!

Юсупов, отключив радиостанцию, взглянул на напарника:

– В час дня линияем в Некрасовск к Адаму. У него ждем приказа на подрыв моста.

Илес потянулся:

– Ясно. Значит, до обеда отдыхаем?

– Рыбу ловим, идиот!

Илисханов усмехнулся:

– Какую рыбу, Муса? На улице дождь. И он затянется как минимум до вечера. Давай лучше спать!

Юсупов махнул рукой:

– Ладно. Отдыхай.

Илес отвернулся от начальника, тут же захрапел.

Юсупов решил бодрствовать. Выспится в доме Адама Гардаева. А сейчас надо следить за обстановкой.

Юсупов расположился у выхода, имея в поле зрения и палатку Геннадия, и берег реки, вдоль которого на упорах повисли колокольчики их рыболовных снастей. Ветер понемногу стих, дождь же, наоборот, усилился. Видимо, прав Илес, погода в ближайшие часы не изменится. Муса достал пачку сигарет, закурил.

Капитан Арбатов вызвал старшего лейтенанта Урганова:

– Ихтиандр! Я – Рыбак!

Ему ответили сразу же:

– Ихтиандр на связи!

– Чечены работу закончили.

Урганов заметил:

– Я видел, как вернулся пловец.

– Вот и хорошо, теперь твой выход, Влад.

– Скорее вход. Вход в реку. Я готов!

– Тогда вперед, Ихтиандр!

– Пошел!

Капитан положил радиостанцию, продолжив наблюдение за палаткой чеченцев.

В это же время из кустов все того же правого берега вышла фигура в черном гидрокостюме и аквалангом за спиной. Она, миновав узкую полосу песка, спиной вперед вошла в реку и скрылась под водой. Старший лейтенант Урганов, профессиональный пловец-диверсант, быстро достиг заминированной опоры. Ему хватило десяти минут на обследование объекта. После чего он вывернул из обоих коробов взрыватели и отплыл с ними и с проводом, выходящим из грунта вместе со скобами, на середину реки. Там, на самой глубине, бросил и провод, и взрыватели. Вернулся к опорам. Достал из грузового ранца заглушки, ввернул их в короба вместо взрывателей и присоединил к ним провод-обманку, пустив его по направлению прежней боевой проводки. Создав, таким образом, полную имитацию того, что минирование

моста не обнаружено, на случай, если бандиты проверят готовность опор к подрыву, старший лейтенант вернулся на берег. Откуда доложил капитану о нейтрализации зарядов.

Арбатов, получив доклад, взглянул на часы: 5.43.

Вызвал генерала Потапова.

Начальник Управления не спал:

– Кедр на связи!

Капитан подробно доложил прямому начальнику о действиях «чеченских гостей» и контрмерах, предпринятых спецназовцами по их нейтрализации, а также о сеансе связи Сварщика со Стариком.

– Понятно. Слушай ближайшую задачу. Свяжись с Ихтиандром, пусть уходит на промежуточную базу. Ты же покинешь остров в 10.00, перед этим встретившись с чеченами и объяснив им, что заканчиваешь рыбалку. Синоптики обещают дождь как минимум до утра завтрашнего дня. Непогодой и обоснуешь свое убытие. Террористы должны убедиться, что ты действительно покинул остров и направился в сторону Рачинска. Ну а мы тут в Некрасовске попробуем пробить таинственного Адама. «Семерка», которой пользуются боевики, наверняка принадлежит ему. Вот через машину и выйдем на хозяина. Но это мое дело! Ты же займись своим. В Рачинске пробудешь весь день и только с наступлением темноты вернешься на базу. Вопросы?

– Да какие могут быть вопросы, Кедр?

Генерал отчего-то вздохнул:

– Тем лучше, Гена. Работай, отбой!

Капитан передал приказ генерала старшему лейтенанту Урганову, сам же начал готовиться к эвакуации с острова. Для этого надо было в первую очередь снять с берега снасти. Геннадий вышел из палатки, направился к реке. За ним пристально следил Юсупов. Но русский лишь смотал донки и, бросив их в рюкзак, пошел обратно. Муса также вышел на улицу.

– Что, Гена, решил уезжать?

– А чего тут ловить? Погода вишь как подсекла? Да и самогон кончился! Поеду домой.

Юсупов понимающе кивнул головой:

– Ты прав. Делать здесь нечего. Мы с братом тоже, наверное, в обед уедем.

– Конечно, езжайте. Как распогодится, может, и встретимся опять!

Чеченец протянул:

– Не-ет! Я дома посижу. Мне этой рыбалки хватило! А еще говорят: Волга, Волга... Дон лучше!

Геннадий не стал спорить, пошел к своей палатке, Муса к своей.

В 9.50 Юсупов из рощи проследил, как сосед переправился на левый берег реки. Уложил лодку в багажник старого, еще модели 2140, «Москвича» и повел машину к выезду на шоссе, через мост. Повернул влево. В сторону, где находился Рачинск, откуда, по словам русского, он и приехал. Успокоившись, Муса в полдень поднял Илеса.

Ровно в 13.00 они переправились на правый берег и через полчаса въехали в поселок Некрасовск. Юсупов внимательно следил, не контролирует ли их кто? Но дорога была пустынная. Дом Племянника на улице Щербины, на самой окраине. За огородом – военный аэродром. Правда, самолеты здесь почти не летали, но наземной техники было много, и вся она работала. Взлетно-посадочная полоса содержалась в образцовом состоянии и могла принять не только штурмовики «Су-24», серебристой шеренгой стоящие на другой стороне летного поля, но и военно-транспортные борты.

Въехав во двор дома, «рыбаки» покинули салон старой «семерки». Как только чеченцы скрылись в доме, генерал Потапов получил доклад об этом. Адрес Гардаева просчитали ранее, и спецам оставалось лишь зафиксировать факт прибытия террористов к Племяннику.

Ближе к ночи генерал Потапов подвел итоги работы спецгруппы «Ястреб» под командованием капитана Арбатова, состоявшей из 10 человек, включая самого командира. Задачу на реке группа выполнила. Теперь следовало установить круглосуточное наблюдение за домом Гардаева.

Глава 2

Месяцем ранее, 12 мая 2005 года, в станице Егорьевской Нурпаша Гулаев – руководитель террористической организации «Халифат», его заместители Азим Хаджимурадов и Вахид Мулдашев обсуждали предстоящую встречу с председателем «правительства» самопровозглашенной Ичкерии Алимханом Усамбиевым. Это «правительство», состоящее из пяти человек, осевших в Кунире – небольшом исламском государстве, было создано по настоянию и при тайном, но самом непосредственном участии западных спецслужб.

Возрождение монолитной, управляемой группировки активно действующих бандформирований, координация ее действий и являлось главной целью никем официально не признанного, но реально существующего и хорошо финансируемого «правительства», которое возглавил Алимхан Усамбиев. Понимая всю полноту ответственности перед своими могущественными хозяевами и неизбежность отработки вкладываемых в террор огромных сумм денег, Усамбиев сделал основную ставку на Нурпашу Гулаева, сумевшего сохранить в ходе второй войны и собственную группировку, и привлечь в нее те банды, что были рассеяны в ходе действий федеральных сил, создав организацию под громким названием «Халифат». Поддержав Гулаева финансами, часть которых, причем совсем не малая, осела на личном счету Нурпаша, Усамбиев создал условия для проведения головорезами «Халифата» ряда террористических акций в соседних с Чечней субъектах Российской Федерации. Алимхан даже лично назначил цели этих акций, но... Гулаев проявил своеволие и подверг террористической атаке иные объекты, что не только не запугало мирное население и не раскололо общество, а, наоборот, вызвало бурю негодования среди кавказских народов действиями моджахедов и сплотило их общей болью. Болью родственников уничтоженных людей небольшого горного селения. Селения, где проживали и чеченцы. Мало того что боевики устроили в ауле настоящую бойню, в которой не пощадили никого: ни стариков, ни женщин, ни грудных детей, вырезав все селение до единого человека, – Гулаев открыто взял ответственность за это зверство на свой «Халифат». Тем самым представив и «правительство» Усамбиева как соучастника кровавого действия!

Усамбиев связался с Нурпашой и приказал организовать 12 мая место для личной встречи в Северо-Кавказском регионе, но не в Чечне и не на прилегающих к ней территориях.

До получения ответа из России штаб Усамбиева разработал план действий организации «Халифат» на летний период, который предстояло начать громким, способным потрясти Россию, да и мировое общество, террористическим актом. Занимался планом «министр национальной безопасности» непризнанного кабинета, профессиональный диверсант, бывший полковник Генштаба Вооруженных сил бывшего СССР Висхан Ризоев, тесно связанный давней дружбой и родственными отношениями с заместителем Гулаева, Вахидом Мулдашевым.

План был сверстан быстро, исходя из той информации, которая стекала к Ризоеву из разных источников в России. Деньги открывали рты многим коррумпированным чиновникам действующей власти. Тем лишь бы платили! А денег Ризоев не жалел. Ему самому нужна информация, которой делиться с Усамбиевым совершенно необязательно. Она и Ризоеву пригодится. Возможно, позже, но пригодится. План был готов, дата назначена. Наконец пришло сообщение и от Нурпаша, где он обозначил место встречи. Изучив обстановку, Усамбиев по паспорту подданного государства Кунир одиннадцатого мая вылетел в Ростов-на-Дону. Его сопровождал секретарь-телохранитель. Переночевав в обычном городском отеле, вместе с секретарем в 13.00 двенадцатого мая Алимхан Усамбиев на обычном такси выехал в станицу Егорьевскую, имея на руках уже российский паспорт на имя Эдуарда Залоева, бизнесмена из Санкт-Петербурга, решившего навестить в отпуске места проживания своих предков в Карачаево-Черкесии.

Ожидание приезда босса затягивалось.

Хаджимурадов, посмотрев на часы, проговорил:

– Два часа, что-то припаздывает босс.

Мулдашев спросил:

– Твои люди давно выходили на связь?

Хаджимурадов ответил:

– В час, как только Усамбиев с Саидом наняли такси и отъехали от гостиницы.

– Час назад! Да, гости должны уже подъехать.

Вставил слово сам Гулаев:

– Должны, если по дороге не произошло ничего непредвиденного.

На что Хаджимурадов заметил:

– Мы бы сразу узнали бы об этом. Алимхана сопровождают мои люди, и от них дополнительной информации с маршрута не поступало.

Гулаев поднялся из кресла, подошел к окну, выходящему на внутренний двор усадьбы и дорогу, проходящую рядом, сказал:

– Приедут, раз выехали. Вот только ЧТО несет с собой визит босса? Будет отчитывать нас, как малолеток безголовых, за последние акции? Он, видите ли, определил нам цели. А мы поступили по-своему! Это не понравилось Алимхану и его министрам!

На слове «министрам» главарь «Халифата» сделал ироничное ударение, продолжив:

– Тоже мне, «правительство в изгнании». Свалили из Чечни, когда жареным запахло, устроились в теплых гнездышках безопасного Эль-Саида и объявили себя истинными борцами за независимость Ичкерии! А нас, тех, кто не языком, а оружием отстаивает идеи священного джихада, превратили, вернее, хотят превратить в послушных марионеток! Они чисты и в почете, мы в крови и дерьме! Разве это справедливо?

Хаджимурадов произнес:

– Но у Алимхана деньги, Нурпаша! Что бы мы делали без этих денег?

Гулаев повернулся:

– Деньги, говоришь? А почему они у него? Не потому ли, что он, пользуясь бывшим своим влиянием при Джохаре, и создал так называемое «правительство» Ичкерии? А по сути посредническую фирму, перекачивающую деньги спонсоров в Чечню, при этом обеспечивая далеко не безбедное собственное существование. Кто получает деньги от западных спецслужб и Аль-Каиды? Алимхан! Кто распоряжается ими? Алимхан! Кому подотчетен в финансовых вопросах Алимхан? Никому! Тем, кто платит, без разницы, кому и куда уходят деньги, им нужен конкретный результат. А его достигаем мы: я, ты, Вахид и еще десятки полевых командиров. И если не было никакого правительства, то финансовые потоки прекратились бы? Нет! Они направились бы непосредственно нам, минуя кучу паразитов, осевших в Кунире, благоденствующих за счет нашей деятельности. За счет крови и жизней тех, кто состоит в наших отрядах и группах!

Мулдашев поднял тяжелый взгляд на Гулаева:

– Что ты хочешь этим сказать, Нурпаша?

Руководитель «Халифата» развел руки:

– Ничего, Вахид! Ничего особенного! Кроме того, что не желаю больше рисковать собственной шкурой ради шикарной жизни Алимхана и его «министров»!

– И что предлагаешь?

Гулаев вернулся в кресло, взял с тарелки виноградину, бросил ее в рот, посмотрел на подчиненных и медленно проговорил:

– Избавиться от влияния Усамбиева! «Халифат» достаточно крупная и влиятельная на Кавказе организация, чтобы начать действовать самостоятельно, без подсказок или приказов извне!

Хаджимурадов задумчиво спросил:

– Ты считаешь, что те силы, которые в настоящее время поддерживают Алимхана, позволят сделать это? Вот так возьмут и в одночасье отвернутся от Усамбиева, которого они же и преподали миру как руководителя и организатора всей борьбы чеченского народа за свою независимость? Кинут «правительство» и войдут в прямой контакт с «Халифатом»? Лично с тобой, Нурпаша?

Гулаев ответил:

– Нет, Азим, я так не считаю. Но если правительство развалится, то спонсорам не останется ничего иного, как выйти на нас! Война на Кавказе выгодна не только Западу и Аль-Каиде, она выгодна отдельным, но влиятельным чинам и в самой России. Следовательно, эта война продолжится. Да, с террором будут бороться, нас будут давить, уничтожать, но до конца гасить не станут. Ну, разве что Кремль вдруг решит взять все управление страной в одни руки. А это уже диктатура, возврат к прошлому. Что невозможно в принципе. Посему повторяюсь... Если «правительство» Усамбиева распадется, то его место займет «Халифат», как наиболее мощная и боеспособная организация.

После пафосной речи главаря террористической банды в кабинете наступила тишина. И Хаджимурадов, и Мулдашев анализировали сказанное Гулаевым. Заместители руководителя «Халифата» никак не ожидали подобного от Гулаева, призывающего, по сути, к уничтожению «правительства», до сего времени осуществлявшего прямое руководство деятельностью всех чеченских бандформирований. Впрочем, чеченскими их можно назвать условно. Банды в последнее время по большей части комплектовались наемниками, вербуемыми по всему миру. Сама организация «Халифат» состояла более чем на две трети из наемников и являлась интернациональной. Как и международный терроризм в целом.

И Хаджимурадов с Мулдашевым задавались вопросом: почему именно сегодня, накануне встречи с Усамбиевым, Гулаев поднял вопрос о правительстве, ранее во всем подчиняясь ему? Не потому ли, что ожидал расправы над собой? За то, что нарушил последний приказ из Кунира. Но это не причина для вынесения кардинального решения по Нурпаше. И каким образом может покарать подчиненного Алимхан здесь, на Кавказе? Вот если бы Гулаев получил вызов в Эль-Саид, тогда другое дело. Из поездки в Кунир он мог и не вернуться. Так почему сегодня руководитель «Халифата» поднял вопрос о разгроме правительства Усамбиева? Видимо, этот план зрел у него давно. И наконец оформился в цель. Но как он планирует уничтожить заморских «министров» Алимхана? Гадать бессмысленно, да и незачем. Если Нурпаша сказал «а», то он скажет и «б». Вскоре его заместители узнают план своего шефа. И тогда каждый уже решит для себя, следовать за Гулаевым или сдать его с потрохами Куниру.

Главарь террористической организации «Халифат» не мешал заместителям думать, перемалывая то, что они сегодня услышали от него. И Нурпаша примерно знал, о чем они думают. Что ж, пусть анализируют ситуацию. Рано ли поздно, но им предстоит сделать выбор. Впрочем, долго размышлять бандитам не пришлось. С улицы раздался скрежет стершихся тормозов «Волги». Гулаев быстро подошел к окну. Увидел такси и повернулся к подчиненным:

– Гости прибыли!

Обратился к Хаджимурадову:

– Азим, свяжись со своими людьми! Узнай, не тянул ли за собой «хвост» из Ростова наш уважаемый господин председатель?

– А разве мы не спустимся вниз?

Нурпаша повысил голос:

– Делай, что сказал! И быстро! А встречать Усамбиева будем здесь, в кабинете!

Хаджимурадов пожал плечами, вызвав группу сопровождения такси Усамбиева. Задал короткий вопрос. Получил ответ, отключил мобильник, доложил:

– Все в порядке, Нурпаша. Алимхан чист.

– Хорошо. Подойдем к двери.

Руководитель «Халифата» и его заместители выстроились в шеренгу перед двухстворчатой дверью. Вскоре створки распахнулись, и на пороге показался сам Алимхан Усамбиев, чуть сзади него, как всегда мрачный, но готовый к действию секретарь-телохранитель босса, Саид, и сбоку от него – хозяин дома, Кадыр Озоев, а глубже по коридору троика личной охраны Гулаева.

Увидев Усамбиева, Нурпаша изобразил радушную улыбку, развел руки, как бы намереваясь обнять дорогого гостя, воскликнул:

– Вай, Алимхан! Ты объявился так неожиданно, что мы не успели спуститься во двор. Извини, уважаемый, и ассалам аллейкум!

Алимхан прекрасно понял, что Нурпаша и не думал встречать его как положено, на улице, но, глядя в лживые глаза Гулаева, решил сейчас не заострять на этом вопрос. Успеет. Все еще впереди. Поэтому ответил:

– Ва аллейкум, Нурпаша!

Бандиты по традиции обнялись, прикоснувшись друг к другу щеками, после чего Усамбиев повернулся к Хаджимурадову и Мулдашеву, поздоровался и с ними:

– Салам, братья!

Азим и Вахид ответили:

– Салам, Алимхан!

На это церемония встречи закончилась.

Гулаев предложил гостю и заместителям занять места за столиком, а Алимхану заодно отведать лакомств, которые были приготовлены и выставлены исключительно для него. Но Усамбиев отказался от яств, приказав очистить столик. Приказ продублировал Нурпаша, и Кадыр быстро вынес блюда с фруктами и сладостями. Как только хозяин дома покинул кабинет, Алимхан сел в кресло. Напротив места, которое и ранее занимал Гулаев. Справа от председателя «правительства» устроился Хаджимурадов, слева Мулдашев. Сзади босса, держа кейс в одной руке, вторую засунув в карман брюк летнего костюма, застыл его секретарь-телохранитель Саид. Это не понравилось Гулаеву. Он указал на Саида:

– Алимхан! Я думаю, мы вполне можем разговаривать и без посторонних лиц.

Усамбиев заметил:

– Саид мой помощник, и вам это известно. К тому же, уважаемый Нурпаша, мне решать, будет ли секретарь присутствовать на совещании или нет.

Гулаев нехорошо улыбнулся:

– Да? В таком случае я считаю, что и мои помощники не помешают нашей беседе.

Он повернулся к Мулдашеву:

– Вахид! Пригласи сюда Ваху, Аслана и Рамазана.

Усамбиев побледнел, на скулах заиграли желваки. Он остановил заместителя Гулаева:

– Стой, Вахид! Я против присутствия ваших боевиков!

Гулаев не замедлил ответить:

– А я против присутствия Саида! Так как будем решать эту проблему, уважаемый председатель «правительства»?

Усамбиев повернулся к телохранителю, приказал:

– Саид! Выйди! И находишься в коридоре!

Телохранитель, недобро взглянув на руководителя «Халифата», молча удалился, передав кейс боссу.

Гулаев расплылся в довольной улыбке:

– Оказывается, все так просто, Алимхан! И зачем было из-за пустяка тратить время?

Усамбиев повысил голос:

– Чему радуешься, Нурпаша? Я здесь не для того, чтобы развлекаться и пустословить!

Главарь «Халифата» снял с физиономии ухмылку.

– Мы все здесь не для того, чтобы развлекаться. Ты назначил встречу, я организовал ее, и вот мы вместе, в одном кабинете. Слушаю тебя, Алимхан!

– Слушаешь? Это хорошо, что слушаешь. Ответь мне, Нурпаша, почему ты вопреки приказу высшего руководства не атаковал обозначенные и согласованные ранее объекты, а провел карательную акцию против мирного горного аула? Ты понимаешь, что нанес удар по нашей репутации?

Гулаев откинулся на спинку кресла, бросив на столик остро отточенный карандаш:

– Репутация, говоришь? Так вот что тебе и твоим министрам важнее всего. Репутация!

А то, что реально происходит в Чечне, тебе побоку?

– Ты не ответил на вопрос!

– Я отвечаю на него! И замечу особо, что мне на твою репутацию за бугром плевать! Я не политик и не марионетка, я воин! И воюю здесь в то время, когда ты сбежал из республики, как только русские перехватили инициативу.

Правое веко Усамбиева задергалось, что означало крайнюю степень его возмущения:

– Как... как ты смеешь, Нурпаша, подобным образом разговаривать со мной? Со мной, Алимханом Усамбиевым, человеком, который стоял у истоков зарождения движения сопротивления вместе с Джохаром Дудаевым? Со мной, который являлся заместителем генерала до самой его кончины? Со мной, кто руководил всеми силами Ичкерии во время войны? Всеми! А не каким-то отдельным отрядом, как ты! Кто сделал из тебя, Гулаев, бригадного генерала? Кто поставил тебя на должность? Кто доверил тебе сотни жизней наших братьев? Кто, наконец, платит тебе деньги за то, чтобы ты продолжал начатое мной дело?

Хаджимурадов, видя, что Усамбиев разошелся не на шутку и совещание грозит перерасти в такие разборки, из которых потом ни Гулаеву, ни его заместителям живыми не выбраться, решил попытаться разрядить обстановку:

– Стойте! Стойте, господа! Уважаемый Алимхан, прошу, ради Аллаха. Успокойся и позволь сказать пару слов!

Усамбиев, сделав паузу, разрешил:

– Говори, Азим!

– Не стоит нам ссориться, босс! И извини Нурпашу, он погорячился. Его раздраженность объяснима. Приходится отвечать на те вопросы, на которые он отвечает уже не один день. Отвечает самому себе!

Алимхан взглянул на заместителя Гулаева:

– Я не понимаю тебя! Можешь выражать мысли яснее?

– Могу и яснее! Да, мы получили приказ атаковать российские военные объекты и готовились выполнить поставленную задачу. Но среди нас оказался предатель, которому мы все, я подчеркиваю, все: и Нурпаша, и Вахид, и твой покорный слуга – доверяли как самим себе. Его фамилия тебе ничего не скажет, поэтому я не буду ее называть. Но факт остается фактом. Предатель передал противнику наш замысел. И если бы мы повели свою группировку на обозначенные в приказе «правительства» объекты, то нас ждал бы полный разгром. Русские приготовили нам засаду. Хорошо, что в их штабе у нас тоже есть свой человек, который и предупредил об опасности. Гулаев решил покарать предателя, и это справедливо. А тот оказался родом как раз из горного аула и скрылся в нем, сбежав от нас. Поэтому мы пошли на аул. И не тронули бы никого, кроме предателя с его семьей, но... встретили вооруженное сопротивление. Против нас поднялось все мужское население этого проклятого аула. Отряды начали нести потери, что вызвало ответную реакцию бойцов. Они ворвались в селение... Что произошло дальше, тебе, уважаемый Алимхан, известно! Надеюсь, я ответил на твой вопрос, адресованный Нурпаше?

Сумевший взять себя в руки, Алимхан впился пронзительным взглядом своих черных безжалостных глаз в глаза Гулаева, спросив:

– Ты подтверждаешь то, что сказал заместитель?

Нурпаша выдохнул:

– Подтверждаю.

Усамбиев поднялся, прошелся по кабинету. Он чувствовал, что его обманывают и что на самом деле никакой засады русских и никакого предателя не существовало, но этот обман в данной ситуации устраивал всех. И руководителей «Халифата», и самого Алимхана. Устроит он и зарубежных покровителей. Посему стоило принять его. Пытаться добиться истины сейчас было глупо и могло закончиться непредсказуемо. Что реально грозило поставить под угрозу общее и главное дело. Этого допустить Алимхан не мог, поэтому принял ложь Азима.

– Хорошо. То, что я узнал, меняет ситуацию! Но почему, Нурпаша, ты сам ранее не доложил мне о предателе?

Гулаев принял игру, начатую своим заместителем, ответив тихо и даже покорно, без малейшего намека на былую строптивость:

– А как бы я доложил тебе об этом, Алимхан? Как бы объяснил тебе, что не разглядел среди ближайшего окружения шакала-предателя. Как и рядовые бойцы, я жаждал мести. И она свершилась. Весь аул ответил за неповиновение. Вот ты говоришь, кровавая акция вызвала негативную реакцию во всем мире? Я не могу мыслить так масштабно, но то, что после резни в горном ауле другие селения, удаленные от российских военных баз, вновь начали поддерживать нас, в этом ты можешь убедиться сам. И русских сейчас проклинают так же, как и раньше. Проклинают за то, что они, обещав мирную жизнь, не могут обеспечить элементарную безопасность. Если где-то в Кунире, как ты говоришь, пошатнулась репутация твоего правительства, то здесь, в горах, репутация федеральных войск понесла невосполнимый ущерб. Русским не верят.

Усамбиев вставил:

– Но и вас ненавидят. Не исключено при этом, что и невольно поддерживая. Но кому нужна такая поддержка?

– Ты сам воевал и понимаешь, на войне хорошим для всех быть невозможно. Согласен, я допустил грубейшую ошибку, решив покарать предателя походом на аул. Надо было сделать это по-иному. Но мы все сильны задним умом. Больше на тему горного аула я, извини, говорить не желаю!

Усамбиев, видя прекрасную игру Гулаева, поддержал ее:

– Хорошо. Будем считать, что разобрались с этим делом. Забудем о нем. И перейдем ко второму вопросу, касающемуся наших дальнейших действий в условиях изменившейся обстановки.

Он присел в кресло, поднял с пола кейс, положил его на стол, открыл крышку. Извлек из «дипломата» карту и канцелярскую папку. Указал на нее:

– Здесь, господа, новый план действий организации «Халифат». Старый считать утратившим силу и подлежащим утилизации. С новым планом вы ознакомитесь позже и самостоятельно, но о ближайшей акции я хотел бы поговорить отдельно. Обсудить ее совместно с вами.

Гулаев спросил:

– Что за акция, босс?

Это обращение к Усамбиеву окончательно успокоило обстановку, и пусть наигранно, но примирило Алимхана с Нурпашой.

Глава «правительства» Ичкерии ответил:

– Акция физического устранения министра обороны России!

Этого ни Гулаев, ни его заместители не ожидали.

Усамбиев же подтвердил:

– Да, господа, вы не ослышались, я сказал о физическом устранении российского министра обороны и еще нескольких весьма высокопоставленных военачальников русского Генерального штаба.

Хаджимурадов воскликнул:

– Но разве подобная акция в наших силах?

Алимхан перевел взгляд на Азима:

– Иначе, уважаемый, я не стал бы говорить об этом.

Мулдашев протянул:

– Д-да! Дела!

Усамбиев расстелил карту:

– Внимание, господа! По данным нашей разведки, министр обороны в субботу 11 июня сего года запланировал инспекцию экспериментального завода «Победа» и находящегося рядом научно-исследовательского института «Конус», расположенных в закрытом поселке Приволжье Верхневолжского региона. Этот населенный пункт отмечен на карте!

Боевики склонились над столиком. Названный Усамбиевым населенный пункт был обведен синим кругом. Алимхан продолжил:

– Объект 0216, как еще именуют завод и институт, производит переносные зенитно-ракетные и противотанковые комплексы. Но это не столь важно. Важно другое, а именно сам факт инспекции объекта, который охраняется отдельным полком особого назначения МВД с приданными ему зенитно-ракетной батареей, звеном вертолетов огневой поддержки и радиотехнической ротой.

Мулдашев произнес:

– Не слабо! Полк спецназа, это не халам-балам. Наверняка он перекрывает все подходы к объекту.

Усамбиев согласно кивнул лысеющей головой, которую многие привыкли видеть в высокой каракулевой папахе. По телевизору в основном.

– Да, охрана объекта выстроена и отлажена образцово и перекрывает подходы к нему, но размещаясь непосредственно вокруг поселка Приволжье, на острове Большом и контролируя деревню Сазоновка.

Гулаев толкнул указкой в карту:

– А вот эти паромные переправы с поселком Ропша полк не контролирует?

– На переправах посты, а вот поселок, удаленный от старицы Волги на пять километров, уже находится вне зоны ответственности части, охраняющей объект. Как вне зоны лежит и весь правый берег, выше по течению от острова Большой. Зато закрыт левый берег. И закрыт от начала лесного массива, в километре от трассы на Кострому и автомобильного моста через Волгу.

– И вы планируете провести акцию в том, укрепленном районе?

– Нет. Мы же не самоубийцы и не безумцы. Мы нанесем удар по маршруту следования министра к объекту 0216. По тем же данным разведки, министр на своем самолете в 10.00 прибудет на военный аэродром, расположенный в поселке Некрасовск, который находится в пятидесяти пяти километрах от Приволжья. Заметьте, чтобы достичь объекта, ему предстоит проехать по мосту через Волгу. По мосту в двадцати километрах от Некрасовска! Вот там мы его и должны подорвать. А до этого, естественно, заминировать мост. Как, когда и какими силами провести минирование, решите сами. Взрывчатку, снаряжение аквалангиста и все остальное, необходимое для проведения подводных саперных работ, люди, которых вы назначите на это дело, смогут уже в начале месяца получить в Некрасовске, в доме некоего Адама Гардаева. Его точный адрес в папке. У него же диверсионная группа может остановиться. В состав группы, думаю, не имеет смысла вводить более пяти человек. Их силами целесообразно и заминировать мост, и подорвать его. Варианты проведения акции и инструкции к ним также находятся в

папке. Но эти документы, что хочу подчеркнуть, носят лишь рекомендательный характер. Как реально провести диверсию, повторяю, решите сами. Теперь касаясь оплаты акции. Аванс в размере пятидесяти тысяч долларов можете получить завтра же, по известному вам адресу в Ростове, остальные пятьсот штук будут переведены на ваш счет в Турции сразу же после подтверждения факта устранения министра. У меня все. Какие будут вопросы?

Гулаев вновь откинулся на спинку кресла:

– Вопросов нет, Алимхан. Да сейчас их и не может быть, надо тщательно уяснить поставленную задачу. Оценить обстановку и принять решение. Единственно правильное решение. Это в наших силах. У меня есть просьба. Даже не просьба, так как речь идет о нашей общей работе, а... даже не знаю, как правильно сформулировать мысль.

Усамбиев усмехнулся:

– Тебе нужны деньги, Нурпаша?

– В общем, да! Сейчас, когда создались неплохие условия для привлечения в организацию местной молодежи не только в Чечне, но и практически на территории всего Кавказа, мы просто обязаны воспользоваться ситуацией. Но для этого требуются деньги! Конечно, мы можем продолжать вербовать наемников, но...

Алимхан прервал руководителя организации «Халифат»:

– Сколько ты хотел бы получить?

Гулаев ответил не задумываясь:

– Не менее миллиона долларов! Это на создание отрядов, закупку вооружения, боеприпасов, подготовку, оборудование лагерей и схронов, приобретение транспорта и обмундирования. Ну и на расходы, связанные с решением проблем в отношении обеспечения безопасности наших баз, оплату услуг осведомителей разного уровня, а также...

И вновь Усамбиев прервал подчиненного:

– Можешь не продолжать. Миллиона выделить не могу, но тысяч семьсот на счет сброшу. Постарайся уложиться в эту сумму и не забудь про отчетность. Каждый доллар должен быть расписан. Куда и на что потрачен. Тем более в новом деле. Только займись комплектованием свежих отрядов после того, как отработаешь цель на Волге!

Гулаев заверил:

– Одно другому не мешает, босс! Я с Мулдашевым займусь акцией против министра обороны, Хаджимурадов – отрядами!

– Хорошо! Двести тысяч получишь вместе с авансом. Дальше – посмотрим.

Усамбиев поднялся, взял в руки «дипломат»:

– Мне пора возвращаться.

Гулаев воскликнул:

– Как? А обед?

Алимхан отказался:

– Спасибо, Нурпаша, но обед не состоится. Тороплюсь. Завтра я уже должен быть в Эль-Саиде. Надеюсь, транспортом до Ростова обеспечишь?

– Какой разговор, Алимхан? На моем джипе и поедешь!

– Нет. Джипы мне не нужны. Как и другие заметные иномарки. Ты лучше пошли в центр станицы человека. Там, возле автовокзала, я видел на стоянке такси. Пусть наймут машину и сообщат об этом по мобильнику. А твой водитель подбросит меня с Саидом до автовокзала.

– Как скажешь, босс.

Гулаев кивнул Мулдашеву. Тот вышел из кабинета.

Вскоре с автовокзала позвонил один из охранников Гулаева, Ваха, доложив, что снял такси до Ростова. Нурпаша проводил Усамбиева до своего джипа, поданного прямо ко входу в дом. Боевики пожали друг другу руки, и внедорожник выехал за пределы усадьбы Кадыра. Вскоре Ваха сообщил, что Алимхан с Саидом отправились на выезд из станицы, а еще через

десять минут вышли на связь люди Мулдашева, которые начали обратное сопровождение высокого гостя.

Гулаев вновь приказал заместителям подняться в кабинет. Им было что обсудить. В том числе и тот план, не касающийся акции на Волге, что родился в голове коварного Нурпаши во время беседы с Усамбиевым.

Дождавшись, пока заместители заняли свои прежние места, Гулаев повернулся к Хаджимурадову, спросил:

– Азим! У тебя канал связи с полковником действует?

– Да. Правда, мы с Зинченко давно не общались, и во время последнего сеанса он говорил о деньгах. Мы задолжали ему 15000 долларов.

– Я это помню.

Нурпаша перевел взгляд на Мулдашева:

– А ты, Вахид, давно разговаривал с Ризоевым?

– Недели две назад он выходил на меня. У него женщина в Грозном осталась, просил узнать о ней, помочь. Но почему ты спросил о Ризоеве?

– Об этом позже. Как вам задание «правительства»?

Заместители Гулаева переглянулись. Ответил Хаджимурадов:

– Если ее провести, шум поднимется неслабый. Завалить российского министра обороны, да еще со свитой генералов, это не шутка! Об этом заговорит весь мир!

Гулаев усмехнулся:

– Вот-вот. Работать опять будем мы, а вся слава достанется Усамбиеву, что сильно укрепит как личное его положение в террористическом мире, так и влияние «правительства».

Подавал голос Мулдашев:

– Но за это нам и платят, Нурпаша! Ты же сам все обговорил с Алимханом!

– Да. Нам платят. Крохи, львиную долю забирая себе! И деньгами, и почестями! И с этим надо кончать. Причем кончать немедленно!

Вновь заместители переглянулись.

Хаджимурадов проговорил:

– Я не понимаю тебя, брат.

Нурпаша ответил:

– Я предлагаю использовать полученное задание как начало акции «Халифат» против Усамбиева. И привлечь для этого Висхана Ризоева, у которого, несмотря на должность в «правительстве» Алимхана, свои интересы в общем деле борьбы с неверными. Он давно мечтает сесть в кресло Усамбиева. Вот мы и поможем ему в этом. Но для достижения конечной цели мы должны выйти на задание против российского министра. Но выйти так, чтобы об этом стало известно ФСБ!

Мулдашев переспросил:

– ФСБ? Но это же...

Главарь «Халифата» не дал договорить заместителю:

– Да, Вахид! Ты можешь называть это предательством, ведь именно это ты хотел сказать? Но то, что я предлагаю, не является предательством. Это вынужденная мера, позволяющая нам обеспечить легенду ликвидации Усамбиева российскими спецслужбами, что снимет все подозрения с нас. Но перед этим я должен узнать, согласны ли вы вместе со мной выступить против Алимхана? Чтобы, уничтожив Усамбиева, вместо него использовать Ризоева, но не как нового председателя «правительства», а как председателя «Халифата» в Кунире. «Халифата», который заменит собой сборище зажавшихся паразитов на реально действующую силу, способную эффективно продолжать войну против России.

И Хаджимурадов, и Мулдашев, немного подумав, ответили положительно:

– Да, Нурпаша, согласны!

Гулаев остался доволен решением заместителей, хотя понимал, что другого выбора у них просто не было. Если кто-то из них не согласился бы, то уже в Чечню не вернулся, оставшись гнить в саду этой усадьбы.

Главарь организации облокотился о столик:

– А теперь, братья, слушайте конкретный план наших совместных дальнейших действий.

Говорил Гулаев около часа. И с каждой минутой его заместители все яснее понимали, насколько коварно и точно рассчитал план начальник.

Вопрос задал Мулдашев:

– Значит, я должен буду выслать своих людей в Некрасовск, зная, что обратного хода им нет?

Гулаев спокойно подтвердил:

– Да. Мы должны пожертвовать исполнителями акции на Волге, а также человеком из Некрасовска.

– Но спецназ вряд ли будет уничтожать их на месте. Напротив, русские наверняка постараются взять их живыми. И тогда пленные наверняка расскажут, кто их послал. Назовут мою фамилию. А спецслужбам известно, что я связан с тобой.

Гулаев продолжал оставаться совершенно спокойным:

– Ну и что? Да, исполнители, если их возьмут живыми, назовут тебя, это несомненно. Но ранее русские узнают, что акцию планировал я. Да, ФСБ будет знать, КТО пытался организовать террористический акт. И это то, что нам нужно. Мало того, после «срыва» нашей операции на Волге я сброшу в российские СМИ информацию о том, что министра заказал Усамбиев. Ведь спецслужбы постараются замолчать несостоявшуюся акцию. Мы же не дадим им сделать это! И весь мир узнает о том, что именно Алимхан – главный организатор покушения на одного из руководителей Российского государства. А то, что им для конкретной работы выбран «Халифат», только повысит наше влияние в регионе, сделает организацию самой мощной силой на современном этапе борьбы с российской оккупацией Ичкерии.

Гулаев взглянул на Хаджимурадова:

– Ты, Азим, до завтра останешься здесь. С утра связываешься с полковником Зинченко и сбрасываешь ему информацию по готовящейся диверсии, в подробности не вдаваясь. Сообщив лишь то, что я намерен забросить в район Некрасовска спецгруппу для подрыва моста, по которому одиннадцатого июня должен проследовать в Приволжье кортеж российского министра обороны. Все! Остальное тебе якобы неизвестно. А сдаешь ты своего босса ради того, чтобы русские взамен помогли тебе выйти из войны. Отметь, что после акции желал бы войти в контакт с руководством ФСБ. Мол, тебе есть что рассказать о силах сопротивления при определенных, естественно, гарантиях и безопасности, и материального вознаграждения. Сейчас эта практика имеет место, вот и выступишь предателем! И не морщись. Ты же выполняешь приказ. Зинченко, скорее всего, потребует свои деньги. Скажешь ему, чтобы нашел повод выбраться в свой штаб округа, поселиться в городе, в гостинице, и ждать вызова для передачи ему гонорара за прежнюю работу. После сеанса связи, ближе к вечеру отправишься в Ростов, получишь у ломбардщика обещанную Алимханом сумму. Утром в субботу встретишься с Зинченко, передашь ему пятнадцать тысяч баксов плюс еще штуку в виде процента за просрочку платежа. Подтвердишь информацию о планируемой диверсии в том же объеме, что и по связи. Передашь Зинченко приказ прошупать армейские каналы перевода денег. Он как-то заикнулся о начфине какого-то корпуса: мол, тот может организовать скрытый канал перекачки в Чечню любых сумм из любого банка. Если это так, то пусть обрабатывает начфина. Нам скоро будет очень нужен левый канал. Пусть Зинченко не торгуется, его доля также будет заложена. Но о ней разговор лично со мной после проведения акции и в случае вербовки начфина.

Глава 3

Суббота, 14 мая 2005 года. Москва

Звонок на сотовом телефоне майора Сургина раздался в десять утра, когда он прогуливался с женой по Пятницкой. Рите скоро предстояло рожать.

Достав из накладного кармана специальную спутниковую станцию, закамуфлированную под сотовый телефон и имеющую режимы как обычной мобильной связи, так и радиостанции, Андрей увидел на дисплее букву «П». Следовательно, звонил Потапов – начальник управления и единственный шеф Сургина с Павловым – и говорить можно было, не включая специальную станцию.

– Да, Николай Викторович?

– Здравствуй, Андрюша!

– Извините, здоровья желаю, генерал!

– Как дела? Как Рита?

– Спасибо, нормально, вот сейчас на прогулку вышли.

– Прогулка это хорошо, особенно для супруги. Твоей когда рожать?

– В июне примерно.

– Вы с Павловым словно сговорились. В один год решили отцами стать.

– И что в этом странного?

– Да нет, ничего. Вот только, боюсь, Андрюша, твоей супруге придется рожать в отсутствие мужа. Естественно, управление ее одну не оставит. Надо будет, бригаду медиков на квартиру поселим, но тебе придется покинуть Риту.

Майор прекрасно понимал, что Потапов так просто не позвонит.

– В общем, так, завтра в 11–00 быть с Павловым у меня на даче. Вячеслава предупреди сам. Приезжайте на одной машине. Привет Рите, все, Андрей, отбой!

Генерал отключился. Маргарита спросила:

– Кончился твой отпуск?

Андрей вздохнул:

– Ты одна не останешься. Генерал обещал бригаду врачей к тебе прикрепить, так что за тобой будут смотреть как надо, но я-то в стороне, можно сказать, главного события в своей жизни могу оказаться. Вот что обидно!

– Не переживай! И что такое роды? Увезут меня в больницу, куда мужчинам хода нет, потом сообщат, кого я родила, и только через неделю, если все удачно пройдет, разрешат покинуть родильный дом. А так, может, и к лучшему, что ты займешься делом, а то ведь изведешься один. А вернее, будешь торчать под окнами роддома, создавая всему персоналу проблемы. Знаю я тебя!

Рита улыбнулась, но было заметно, что и ее новость о скорой командировке Андрея не обрадовала. Ведь каждый отъезд мужа сопровождался риском для его жизни. Привыкнуть к этому Маргарита, как ни старалась, не могла. И, успокаивая супруга, она пыталась успокоить и себя, зная, что мысли о муже, о том, что он где-то вновь ведет бой с бандитами, будут сопровождать ее постоянно. Но она справится с ними. Ради ребенка справится! Справился бы с заданием Андрей, как он это делал многие годы!

Андрей решил сменить обстановку:

– Слушай, Рит, а почему бы нам в зоопарк не поехать? Чего тут на улице толкаться? А там на зверей посмотрим, в кафе посидим, а?

– Что ж, я согласна!

- Тогда пойдем к стоянке. Заберем «Ниссан» – и на Пресню?
- Пойдем.

Через полтора часа супруги Сургины находились уже в зоопарке. Рита, как маленькая девочка, радовалась проделкам мартишек, удивлялась солидности горилл и шимпанзе.

Супруги устроились на свободной скамейке одной из аллей. День сегодня выдался теплым, солнечным, почти летним.

Андрей достал сотовый телефон, объяснив Рите:

- С напарником свяжусь.

Набрал номер Павлова.

Тот ответил не сразу, видимо, был занят домашними хлопотами:

- Привет, Андрей!

- Привет, Славик! Как дела? Как малыш? Растет?

– Растет. Хотя сейчас это незаметно. Ты просто так решил позвонить или дело какое образовалось?

- Дело, Славик!

И он передал другу суть разговора с Потаповым.

Капитан вздохнул:

- Значит, завтра в 11.00 у него на даче?

– Да! Я заеду за тобой и встану у остановки, чтобы Оксана ни меня, ни машину не видела. В 9-30 выходи.

- Понял.

Сургины, решив не заходить в кафе, переполненное народом, вернулись домой к трем часам. Пообедали. Рита отдохнула. Вечернюю прогулку пришлось отложить, на улице пошел дождь, переросший в майскую грозу. Так остаток дня и провели в квартире.

Воскресенье, 15 мая

Андрей подъехал к месту встречи с Павловым ровно к 9.30. Напарник уже ждал его.

- Так ты знаешь подробности и сроки предстоящего задания? – спросил он.

- Только сроки, и то предварительные. Подробности узнаем у генерала.

Вскоре машина Сургина въехала во двор одноэтажного кирпичного здания – дачи Потапова. Генерал вышел на крыльцо, когда офицеры, затворив ворота, направились к дому.

- Здравствуйте, орлы! Проходите сразу в кабинет. А я кофе приготовлю.

Офицеры устроились в креслах у стола, на котором уже стоял поднос с чашками, ложками, сахарницей и тарелкой с пакетиками, заполненными сливками. Не хватало кофейника с ароматным напитком. Его ждать долго не пришлось. Как и Потапова, внесшего в кабинет этот кофейник.

Генерал, разлив кофе по чашкам, спросил:

- Вы завтракали? Может, бутерброды сделать?

Офицеры отказались, сославшись на то, что скоро время обеда. Потапов сказал:

– Тогда тему одну обсудим. Кое-кто в Чечне планирует грохнуть министра обороны России!

Андрей с Вячеславом переглянулись. Майор спросил:

- Я не ослышался?

Генерал подтвердил:

- Да, ты не ослышался.

- И кто это такой ярый и тупоголовый, если решил, что может провернуть подобное дело?

- Нурпаша Гулаев.

Посуда переключалась на журнальный столик, ее место заняла оперативная карта Верхневолжского региона. Точная копия той, которой в станице Егорьевской пользовались Усамбиев и главари банды террористов. Практически с теми же обозначениями на ней. Генерал начал оперативный доклад, из которого следовало, что министр обороны Российской Федерации с группой военачальников Генерального штаба одиннадцатого июня сего года планирует посетить так называемый объект № 0216, или НИИ «Конус» и завод «Победа», где разрабатываются и выпускаются переносные зенитные и противотанковые комплексы. В 10.00 самолет с министром на борту должен совершить посадку на резервном военном аэродроме поселка Некрасовска и далее лететь по маршруту Некрасовск – Рачинск – Приволжье, где и находится производство ПЗРК и ПТРК. Маршрут составляет пятьдесят пять километров, срок командировки министра – один день. Вечером того же дня он должен вылететь обратно в Москву.

Генерал взглянул на подчиненных:

– Объект охраняется полком спецназа внутренних войск МВД, и он перекроет подходы к шоссе, а также оцепит всю потенциально опасную территорию, и чеченам Гулаева это прекрасно известно. Поэтому ими решено провести диверсию на мосту.

Сургин проговорил:

– Да, придумано неплохо, но для практического осуществления план сложен.

Павлов поддержал друга:

– Да, как духи могут открыто заминировать мост?

Генерал ответил:

– А вот это мы узнаем, наблюдая за ними. Но, вероятнее всего, минирование будет произведено под водой. Что проще? Нырнул аквалангист с берега, подплыл к опорам и закрепил на них взрывные устройства. Для того чтобы срезать бетонные столбы диаметром четыре метра, много взрывчатки не потребуется.

Сургин заметил:

– Но под водой и сигнал к взрывчатке с дистанционного пульта не передашь. Если только не с самого моста и с прибрежной зоны, которые, как я понял, будут тщательно охраняться.

Потапов согласился:

– Не передашь, ты прав. Следовательно, боевики проявят какую-нибудь хитрость. Но и ее мы просчитаем. А информация по предстоящей диверсии попала в верха от некоего полковника Зинченко Валентина Валентиновича, офицера штаба объединенного командования.

Андрей поднялся, потянулся:

– С этим все понятно, непонятно другое: какую нам с Вячеславом в предстоящей акции вы отводите роль?

– Ваша роль, Андрюша, в том, что вы с Павловым должны произвести захват боевиков, которые попытаются взорвать мост. Взять живыми!

– Но это одиннадцатого июня?

– Да.

– До акции почти месяц?

– Необходимость раннего вызова объясняется просто, Андрюша. Как только в Минобороны стало известно о готовящемся покушении на самого министра, сам понимаешь, какую это вызвало реакцию. Петров сразу же связался с директором Службы. Тот вызвал меня и поручил не только обеспечить безопасность министра обороны, но и, захватив потенциальных исполнителей террористического акта, пробить заказчиков покушения. С последующей, как всегда, их ликвидацией!

– Но мы же знаем, кто готовит покушение?

– Знаем. Однако, как ты думаешь, сам бы Гулаев пошел на такой шаг? Нет, господа офицеры, кто-то Гулаевым манипулирует.

Андрей прикурил сигарету:

– У меня вопрос: как к Зинченко попала информация о готовящейся диверсии? Полковник имеет отношение к разведке?

– Нет, не имеет. Зинченко – связист, а информация, по его словам, попала к нему через обычный мобильный телефон. Тринадцатого мая, то есть позавчера утром, Зинченко позвонил неизвестный кавказец и предупредил полковника о готовящейся террористической акции. Далее неизвестный сказал, что желает войти в контакт с руководством ФСБ, с которым и обговаривает условия дальнейшего сотрудничества. Добавил, что имеет непосредственное отношение к планированию деятельности организации «Халифат». Все!

Сургин, задумавшись, проговорил:

– Что-то с нами никто из боевиков не связывается. Взял бы этот информатор и позвонил прямо в ФСБ. Кстати, это гораздо проще сделать, чем выйти на связь с каким-то полковником, не зная, как тот среагирует на звонок. А если бы Зинченко испугался и послал этого «доброжелателя» на три буквы? И никуда ничего не передал? Что было бы вполне естественно. Зачем осложнять себе жизнь? Ведь военная контрразведка в момент начнет крутить Зинченко на предмет связи с боевиками. А от них так просто не отбиться. Нужно было полковнику докладывать о звонке вышестоящему командованию, когда намного проще проигнорировать его. Но Зинченко принимает информацию и передает ее!

Генерал посмотрел на майора:

– Считаешь, что Зинченко выбран для контакта не случайно?

– Ничего я не считаю, Николай Викторович, но и в случайность подобного рода особо не верю. «Доброжелатель» знал номер телефона Зинченко. Не мешало бы установить откуда. Зинченко надо тщательно проверить. И не прямыми допросами особистов, а ненавязчивой работой агентов вашего управления. Если в нашу задачу входит не только пресечение теракта, но и нейтрализация его заказчиков, то работу надо начинать с полковника из ОГВ. Тем более времени у нас предостаточно.

Генерал, выслушав Сургина, перевел взгляд на Павлова:

– Ну а ты что скажешь, капитан?

Вячеслав пожал плечами:

– Что мне сказать? Я согласен с Андреем.

Потапов усмехнулся:

– Ну, ясно, разве подчиненный может быть не согласен с начальником, тем более с другом?

– Не в этом дело, Николай Викторович! Я тоже считаю, что боевики вышли на Зинченко не случайно и требуется тщательная обработка личности полковника. Не исключено, что его могли подставить, но тогда тем более мы должны знать, кто из наших работает на духов. А это опять-таки возможно выяснить лишь в результате проочки Зинченко.

Генерал повернулся к Сургину:

– По нему уже начали работу вчера вечером. Скоро мы узнаем о полковнике если не все, то очень многое. Но ты, Андрей, не ответил на предыдущий мой вопрос.

Сургин произнес:

– Это насчет того, не манипулирует ли кто Гулаевым?

Потапов утвердительно кивнул головой:

– Да.

Андрей, затушив сигарету, произнес:

– Я думаю, что Гулаевым руководят, вне всякого сомнения, и «Халифат» используется по заказу. Сам Нурпаша на такую акцию не пошел бы. Если только... нас не пытаются развести.

– В смысле?

Сургин погладил подбородок, пытаясь правильнее и понятнее сформулировать ответ:

– В смысле того, что планируемая и сданная нам с потрохами акция является звеном в цепи более серьезной и масштабной операции духов. Операции, о которой нам пока неизвестно. Это во-первых. Во-вторых, факт угрозы немедленно сдается федеральным властям, при том, что подобные операции планируются в узком кругу главарей бандформирований. И вдруг утечка информации. Довольно грубо выполненный сброс замысла противника. В-третьих, акция наверняка финансируется заказчиком из-за бугра, у «Халифата» просто нет стольких средств, чтобы обеспечить организацию и проведение подобного мероприятия. А если и есть, то Нурпаша сам не стал бы выбрасывать деньги на ветер. Финансируется обреченная, хочу подчеркнуть, на полный провал операция. Вот я и задаюсь вопросом: что бы это все значило? Не назрели ли крупные разборки между нашими доморощенными моджахедами и их иностранными спонсорами? Не хочет ли кто-то использовать акцию у Некрасовска в своих целях?

Потапов произнес:

– Понятно. Ты, Андрей, как всегда, пытаешься просчитать все вероятные варианты развития событий. Это, конечно, похвально, но... задача управлению поставлена конкретно и однозначно. Поэтому мы должны сосредоточиться на мероприятии у Некрасовска. Параллельно пытаюсь раскачать полковника Зинченко.

Сургин вздохнул:

– Да отработаем мы у Некрасовска, отработаем. Но не следует отмечать вариант обычной подставы.

Генерал спросил:

– Может, ты думаешь, что боевики и к мосту не пойдут?

Андрей отрицательно покачал головой:

– Нет, я так не думаю. Акция на Волге у Некрасовска и объекта № 0216 проводится будет. Даже в том случае, если она и является подставой. Но вот что последует за ее провалом или параллельно ему, это просчитать было бы не лишним.

– А если ничего не последует? И все выйдет гораздо проще, чем думаешь ты? Из-за бугра заказали министра, хотя бы в целях поднятия шума в мировых СМИ, исполнение поручили «Халифату», а кто-то из осведомленных людей в руководстве банды слил информацию, решив таким образом купить себе гарантию безопасного выхода из надоевшего и бесперспективного противостояния федеральной власти или по другим, возможно, личным или корыстным мотивам. Если служба готова платить десятки миллионов долларов за информацию о местонахождении главарей бандформирований, то почему бы этим не воспользоваться и нашему стукачу? Он сдает акцию у Некрасовска, тем самым подтверждая искренность своих намерений переметнуться к федералам, вступая в контакт с ФСБ. Оговаривает с руководством условия не только собственного выхода из игры, но и финансовые вопросы, касающиеся сдачи того же Гулаева, а возможно, и лиц, манипулирующих «Халифатом» из-за рубежа.

Андрей взглянул на генерала:

– Дай бог, если так. Но я, признаюсь, не верю в это. И первопричина моего неверия в полковнике Зинченко. По-моему, здесь совершена ошибка. Осведомитель не должен был связываться с первым попавшимся офицером штаба объединенной группировки. Кому, как не духам, не знать о том, что у них есть свои люди в нашем штабе, продавшие за доллары и честь и совесть. Значит, противнику либо было по барабану, кому сбрасывать информацию, лишь бы она попала в штаб, либо полковник Зинченко связан с боевиками. Но... раз им займутся ваши ребята, генерал, то нам со Славой остается отработать собственную задачу.

– Обеспечение безопасности министра обороны на объекте № 0216 возложено на меня, – сказал Потапов. – Посему я через неделю вместе с группой «Ястреб» вылету на место предполагаемой диверсии. Ваша задача – захват исполнителей теракта. Как только ребята из «Ястреба» вычислят диверсантов в Некрасовске и подтвердится факт минирования моста, я вызову

вас в район применения. А до вызова изучите карту. Это по объекту № 0216. По «Халифату» определимся сразу же по окончании работы у моста. Нам надо узнать, где находится основная база Гулаева и его резервные точки. О чем мы спросим у тех, кого Нурпаша пошлет на диверсию.

Андрей спросил:

– А если исполнители не знают резервных укрытий главаря банды?

– Тогда будем исходить от месторасположения основной базы, уж о ней духи знают наверняка.

Павлов предложил:

– А может, нам, Николай Викторович, прокачать этого Зинченко? Прямо в штабе ОГВ?

– Нет, капитан! Вам там светиться незачем. И не спеши в Чечню, еще успеешь надышаться горным воздухом, охотясь на главарей «Халифата».

Павлов по-военному ответил:

– Есть не спешить, Николай Викторович!

– Вот так оно лучше!

Аппарат специальной спутниковой связи издал сигнал вызова. Генерал ответил:

– Кедр слушает!.. Да? Когда?.. Так... так... Точно?.. Зафиксировали?.. Молодцы! Теперь слушай, Дон, сегодня в ночь к вам вылетят два агента. Нет, встречать не надо. Ваша задача вести наблюдение за объектом. Старший группы свяжется с вами – передадите объект и поступаете в его полное распоряжение. Он представится как Гость. Общение только по связи, у напарника позывной Гость-2. Вопросы?.. Сопровождать! Где бы ни остановился, с кем бы ни контактировал, все фиксировать на пленку! Да. До связи, Дон!

Закончив переговоры с неизвестным Доном, генерал перевел взгляд на Сургина:

– Ну что ж! Похоже, Андрюша, ты опять оказался прав!

Сургин спросил:

– Полковник?

– Он самый! Только что старший группы наблюдения доложил: в ночь попутной «вертушкой» полковник Зинченко вылетел в Ростов, срочно оформив себе командировку на трое суток в штаб Северо-Кавказского военного округа. Остановился в гостинице «Ростов», что на Буденновском, насколько помню, проспекте. И уже в 10.00 встретился на набережной, знаете с кем?..

Генерал выдержал паузу, чтобы придать словам большую весомость.

– ...В 10.00, когда вы ехали сюда, наш полковник Зинченко встретился с господином Азимом Хаджимурадовым, одним из заместителей Нурпаши Гулаева. Группа слежения контролировала встречу и зафиксировала передачу денег полковнику, а также почти слово в слово ту информацию, что Зинченко запустил вверх по команде. Также между оборотнем и бандитом речь шла о каком-то закрытом армейском канале проводки любых сумм в Чечню и о начфине одного из корпусов Северо-Кавказского военного округа. Зинченко получил приказ Гулаева обработать этого начфина, не жалея средств на подкуп или вербовку последнего. Хаджимурадов передал полковнику, что в этой перекачке денег Зинченко получит свою долю, которую будет обговаривать лично в разговоре с Гулаевым... ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ АКЦИИ! Прикидывайте, о КАКОЙ акции шла речь!

Генерал вновь взглянул на Андрея.

– Таким образом, твое предположение о том, что планируемое покушение сдано нам специально, подтверждается!

– Значит, подтверждается и версия, что Гулаев задумал более масштабную игру, замысел и правила которой нам неизвестны.

Потапов согласился:

– Да, это так. Но у нас теперь есть полковник Зинченко и доказательства его связи с группировкой «Халифат»! Этого достаточно, чтобы заставить предателя работать на нас. Наши ребята зафиксировали на видео и магнитофон все подробности встречи на набережной.

Сургин произнес:

– И, как я понял из обрывков вашего разговора с Доном, сделать это предстоит нам с Павловым, и не позднее завтрашнего дня.

Генерал поправил майора:

– Не позднее девяти утра завтрашнего дня, Андрюша.

Майор выразил недоумение:

– Почему именно не позднее 9.00?

Потапов объяснил:

– В это время Зинченко будет еще находиться в гостинице, возможно, имея при себе улики, полностью изобличающие его как предателя. Позже он пойдет в штаб округа, ему надо же отметить командировочное удостоверение. Посему из гостиницы утром Зинченко выпускать нельзя.

Павлов спросил:

– А этого оборотня люди Гулаева не пасут?

– Нет. Хаджимурадов покинул Ростов сразу после встречи. За его машиной ведется наблюдение.

Дачу генерала покинули после восьми вечера, чтобы в 1.00 уже быть на военном аэродроме. Откуда в 3.15 транспортный борт «Ил-76» Министерства обороны взял курс на юго-восток России, в Ростов-на-Дону, на такой же армейский аэродром Северо-Кавказского военного округа.

Глава 4

Понедельник, 16 мая. Ростов-на-Дону

Полковник Зинченко проснулся в прекрасном настроении. Дела его складывались как нельзя лучше. Нет, не те дела, которые он был обязан решать по долгу воинской службы, а другие, тайные, связанные с теневой и главной жизнью. Вчера он получил наконец свои пятнадцать тысяч долларов плюс тысячу в виде процентов. Не бог весть какая сумма, но и Зинченко особо не перетруждается и практически ничем не рискует. Вот только последнее задание Нурпаши оказалось не совсем простым. Гулаев явно не продумал, как безопасно и более достоверно сбросить информацию о планируемой на Волге диверсии, а использовал как посредника полковника, что тут же вызвало к нему повышенный интерес службы военной контрразведки. Но, слава богу, вроде пронесло. Особисты, сначала явно взявшиеся за Зинченко, затем вдруг потеряли к нему интерес. Возможно, их убедил рассказ самого полковника, но более вероятно, за него вступился генерал Волков. Тот имеет влияние на контрразведку. Как бы то ни было, но командировку в Ростов Зинченко удалось оформить как обычно, без проблем. И прибыл он в центр Северо-Кавказского региона свободно, особисты не следили за ним. Иначе уже вчера на набережной повязали бы его с Азимом при передаче денег и инструкций Нурпаши. Но встреча прошла спокойно. Люди Хаджимурадова, которые прикрывали встречу, никакого постороннего наблюдения не заметили. Значит, за Зинченко не смотрят. И это хорошо. За время сотрудничества с боевиками Гулаева полковник неплохо заработал, что позволило ему поднять коттедж на высоком берегу Волги недалеко от Самары, оформив усадьбу на супругу. Еще год можно поработать здесь – и к черту из армии. Генералом Зинченко не стать, а значит, к официальной кормушке высоких чиновников не припасть, а полковником заработать он может, сотрудничая с бандитами. Тем более ничего особенного делать не приходилось. Так, сбрасывать Нурпаше, с которым полковника свел его подчиненный прапорщик-чеченец, кое-какую интересующую главаря «Халифата» информацию, к которой Зинченко имеет доступ. Предупреждать о плановых рейдах федеральных войск, которые становятся известными полковнику от своих сослуживцев по штабу. То, что он предает Родину, Зинченко не волновало. Совесть не мучила. На фоне того, что творили чиновники в государстве, его деятельность – мелочь. Вон бывший командующий за несколько лет приобрел недвижимости более чем на пять миллионов долларов, оформляя ее на всех возможных родственников. И что? Спросили за эти махинации с генерала? Угу! Спросили! Сейчас одной из областей в центре России правит! И даже он по большому счету мелочовка по сравнению с теми, кто непосредственно рулит экономикой государства. Что тут говорить о каком-то полковнике Зинченко? Тем более зарываться Валентин Валентинович не собирается. Еще год, еще тысяч триста баксов, орден на память – и на отдых! Рыбалкой заниматься, по лесу гулять, любовницу в городе завести для ублажения души и тела. Что еще надо человеку на пенсии. Обеспеченной пенсии в хорошем, уютном доме? Для кого-то этого мало, а для Зинченко достаточно.

В 8.30 полковник побрился, облачился в военную форму. Надо зайти в штаб округа, отметить командировку, подписать пару никому не нужных бумаг, получить новые инструкции, наряды – и на аэродром, откуда вечером транспортный «Ми-8» бросит его на Кавказ. А деньги останутся лежать в ячейке одного из банков Ростова. Пусть лежат, накапливаясь. Ячейка оплачена на полгода вперед, так что за сохранение денег Зинченко мог быть спокоен. В общем, день для предателя начинался совсем неплохо, оттого и настроение у Зинченко было на высоте.

4 часа 45 минут того же понедельника, 16 мая 2005 года. Ростов-на-Дону

Транспортный «Ил-76» совершил посадку на военном аэродроме. Майор Сургин и капитан Павлов одними из первых покинули чрево грузового отсека лайнера и вышли на бетонку. Как и было оговорено ранее, никто их не встречал. Лишь у штаба авиационной части стоял военный «УАЗ» с номерами. Этот автомобиль предназначался специальным агентам. Водителя в нем не было. Сургин, бросив дорожную сумку на заднее сиденье, сел за руль, Павлов устроился рядом, на месте командира или переднего пассажира.

Андрей, закулив, извлек станцию спутниковой связи, замаскированную под обычный сотовый телефон, включил ее, переведя в режим мобильной связи, набрал переданный перед отлетом из Москвы генералом Потаповым номер.

Ему ответил молодой, бодрый голос:

– Дон слушает вас! Доброе утро, гости!

– Доброе, Дон! Мы в Ростове. Доложи обстановку.

– Она проста, Гость. Нужный вам человек находится в гостинице, одноместный номер 241. После встречи с чеченом на набережной и получением денег заезжал в один из коммерческих банков, где, как оказалось, арендует ячейку. В нее и положил сверток с деньгами.

Андрей поинтересовался:

– А с чего вы взяли, что чеченцы передали клиенту деньги? А не «куклы», скажем? Или драгоценности? Ведь полковник, как я понял, получил от абрека сверток?! Или это не так?

– Так, Гость. Но клиент допустил ошибку. Он решил перестраховаться и там же, на набережной, отойдя в кусты, вскрыл сверток. В нем находилась пачка долларов. Полковник тщательно проверил каждую купюру, пересчитав их. И только после этого, поговорив немного с чеченом, отправился в банк.

– Надеюсь, вы все зафиксировали?

– Так точно. И на пленку видеокамеры, и на кассету дистанционного прослушивающего устройства!

– Хорошо. Когда и как я могу получить эти материалы? А также где с напарником мне остановиться, но так, чтобы до девяти утра, не привлекая внимания посторонних лиц, проникнуть в номер клиента?

– В той гостинице, где остановился и клиент, только на разных этажах, а конкретно в номерах № 312 и 117 на вас забронированы места. В номере 312 в прикроватной тумбочке находится кассета, подтверждающая встречу российского полковника с чеченцами, а также суть этой встречи, передача денег, их пересчет, переговоры, полученные клиентом инструкции. И далее все его перемещения по городу, включая закладку пакета в банковскую ячейку и прибытие в гостиницу.

Сургин по достоинству оценил работу неизвестного офицера спецслужбы:

– Молодцы, Дон! Сработали отлично. Чечена проводили?

– Так точно! Кстати, он сделал остановку в станице Егорьевская Ростовской области. В особняке некого Кадыра Озоева. Дом его стоит на выезде из станицы, около шоссе, уходящего в сторону Ставропольского края. За ним и его охраной мои люди продолжают вести наблюдение, так как они до сих пор остаются в доме Озоева.

– Хорошо, Дон. Один вопрос. Чечен из Егорьевска на связь не выходил?

– Нет.

– Понял. Выдвигаюсь к гостинице. Твои люди будут в ней?

– Это не запланировано, кроме, естественно, наблюдения за номером полковника, но, если надо, я в течение часа перекрою весь отель!

Андрей, отвечая офицеру ростовского отделения, невольно улыбнулся:

– Нет, Дон, не надо. В этом нет никакой необходимости. Скажи лучше, где оставить «УАЗ»?

– Да возле гостиницы, не доезжая центрального входа.

– Добро. Ну что ж, благодарю за службу, Дон. Мы с напарником начинаем работу. Да, совсем забыл: в номере полковника имеется видеомагнитофон с телевизором?

– Да!

– Тогда до связи, друг!

– Удачи вам, гости!

Сургин отключился, повернулся к Павлову:

– Ну что, Слава, все условия для обработки оборотня Зинченко нам создали. Дело за нами.

– Так поехали! А за нами не заржавеет.

В гостиницу секретные агенты прибыли в 5-20. Оставили «УАЗ» в одном из переулков, далее прошли пешком. Места получили после оформления надлежащих формальностей и прошли в номер 312, забронированный на Сургина. Сразу же извлекли из тумбочки кассету и включили видеодвойку. Внимательно посмотрели запись, остались довольны. Оператор знал свое дело и отснял все главные моменты встречи Зинченко с Хаджимурадовым, а также дальнейшие действия полковника. Павлов отправился в свой номер 117, Андрей, раздевшись, принял душ.

В 8.00 офицеры вновь были вместе в номере Сургина. Обговорили план предстоящих действий. В 8.20 Андрей вызвал командира группы слежения за объектом:

– Дон! Я – Гость!

– Весь во внимании, Гость!

– Как наш клиент?

– Проснулся, приводит себя в порядок. В номере один.

– Отлично.

– Судя по всему, он собирается вскоре покинуть номер, мы слышали, как он одевался.

– Ясно. Через пять минут начинаем.

– Добро! Мои люди на подстраховке.

– Перекрой все выходы, Дон!

– Без вопросов!

– До связи!

– До связи!

Зинченко, захватив кейс, пошел на выход. Открыл дверь и увидел перед собой двух человек в масках. От неожиданности оборотень даже рот открыл. Но слова произнести не успел. Прямой удар Сургина сбил полковника с ног, отбросив обратно в номер. Вячеслав аккуратно закрыл дверь и быстро обыскал предателя. Обнаружил лишь документы. Оружия при Зинченко не было. Забрав мобильный телефон, капитан потрепал Зинченко по щекам. Полковник пришел в себя. Испуганно взглянув на неизвестных людей в масках, прошептал:

– Кто вы? Что вам надо?

Вместо ответа оборотень получил приказ Сургина:

– Поднялся, Зинченко, и в комнату! Без дерганий и шума. Тебе никто не поможет, хоть белугой вой.

Полковник поднялся, руки его дрожали.

Сургин указал на кровать:

– Сел, руки перед собой!

Полковник выполнил требование человека в маске.

Андрей с Вячеславом устроились в креслах у журнального столика. Сургин достал из-за пояса пистолет с глушителем, при виде которого Зинченко задрожал уже всем телом. Павлов принялся изучать содержимое кейса.

Оборотень вновь спросил:

– Скажите, кто вы и что вам от меня надо? Я простой офицер, служу в штабе на второй степенной должности. Ни денег особых, ни каких-либо секретных документов у меня нет!

Сургин, не обращая внимания на нытье предателя, спросил:

– Что ты делал вчера в 10.00?

Полковник не понимал, что происходит, и не знал, как вести себя в сложившейся обстановке.

Сургин, на этот раз уже угрожающе, проговорил:

– Где ты был вчера в 10.00?

Полковник вдруг затараторил:

– Да, да, конечно, я отвечу на любые вопросы, естественно, если буду в состоянии сделать это, но, согласитесь, я должен знать, с кем разговариваю!

Сургин взглянул на Павлова.

Тот с наигранным сожалением произнес:

– Видно, шеф, этот мудака совершенно не понимает тебя, позволь я проведу с ним предварительную работу.

Андрей перевел взгляд на предателя:

– Как тебе предложение моего напарника? Желаете побеседовать с ним? Я не против, только оставляю вас наедине, не люблю смотреть, как он проводит эти предварительные беседы. Тошнит!

Полковник взвился:

– Нет, нет, не надо, я отвечу, отвечу! Так... вчера, в воскресенье, в 10 утра я был в баре, да, в баре на выезде из города. Он еще называется то ли «Под раками», то ли «У раков», в общем, пивной бар, где к пиву подают вареных раков!

– И долго ты там находился?

– Ну... где-то час, может, больше, но недолго. Потом прогулялся до железнодорожного вокзала. Потом...

Андрей прервал Зинченко:

– Хватит лгать, полковник. В 10.00 на набережной ты встречался с одним из руководителей «Халифата» Азимом Хаджимурадовым.

Оборотень побледнел. Перейдя на шепот, произнес:

– Так вы из контрразведки?

Сургин усмехнулся:

– Хуже, Валентин Валентинович, для тебя хуже! Мы не из контрразведки, а из антитеррористической спецслужбы ФСБ!

– Вот оно что! Но почему на вас маски?

– А это для того, чтобы ты не видел лица тех, кто, возможно, казнит тебя за измену Родине!

Казалось, Зинченко сейчас потеряет сознание.

– Казнить? Но за что? За то, что этот Хаджимурадов вышел на меня и просил оказать содействие в передаче информации вышестоящему командованию о готовящемся покушении на министра обороны России? Я не был связан с боевиками. Никогда не был связан, Азим случайно вышел на меня, о чем я доложил по команде...

И вновь Сургин не дал предателю закончить речь:

– За что он заплатил тебе пятнадцать тысяч долларов?

Зинченко, загнанный в угол, вскричал:

– Какие еще доллары? Он вызвал меня для встречи в Ростов, чтобы обсудить возможность установления контакта между ним и руководством ФСБ, в чем мне отводилась роль посредника.

– Кем отводилась? Контрразведкой ОГВ?

– Нет!

– Так кем же?

– Самим Хаджимурадовым. Я решил сначала все прошупать сам и лишь потом проинформировать о встрече с Азимом особистов. И сегодня я намеревался обратиться в контрразведку Северо-Кавказского военного округа!

– Значит, никаких денег от Хаджимурадова ты не получал?

– Нет, нет и еще раз нет!

Сургин обернулся к Павлову:

– Капитан, поставь-ка в видак кассету, давай еще раз посмотрим ее вместе с господином Зинченко!

С первых же кадров полковник понял, что он полностью разоблачен. Не просмотрев и половины, полковник опустил голову, проговорил:

– Достаточно! Выключите аппаратуру, я отвечу на любые ваши вопросы. Хотелось бы только одного – убедиться в том, что вы на самом деле сотрудники спецслужбы ФСБ.

Андрей достал аппарат специальной связи, вызвал Потапова:

– Кедр! Я – Мосkit! Прошу ответить!

И тут же голос генерала:

– Слушаю тебя, Андрюша!

– Во-первых, доброе утро!

– Вам с Павловым того же. Что во-вторых?

– Во-вторых, мы беседуем с Зинченко. Он готов к конструктивному диалогу, но желает получить подтверждение, что перед ним не самозванцы, а сотрудники ФСБ.

– Я понял. Передай свой аппарат этому ублюдку!

Сургин протянул сотовый телефон Зинченко:

– Убеждайся, полковник!

Тот взял в руки мобильник, представился:

– Полковник Зинченко, Валентин Валентинович! Что?.. Извините! Кого?.. Узнаю, конечно! Даже по связи... Понял... Да, да, конечно, поверю...

И чуть позже:

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! Полковник Зинченко. Что?.. Есть!.. Есть... Так точно!

Завершив короткий разговор с неизвестным генерал-майором, протянул трубку Сургину:

– Вас!

Говорил Потапов:

– Зинченко получил подтверждение ваших полномочий. С ним только что разговаривал начальник Управления военной контрразведки округа. Я не стал вводить его в курс дела, представив нашего полковника как лицо, втянутое службой в собственную игру! Так что от неприятностей в ОГВ он пока застрахован. Но это «пока» будет длиться ровно столько, сколько Зинченко будет сотрудничать с нами. И насколько данное сотрудничество явится эффективным. Скажи ему об этом сам.

Генерал отключился, а Сургин обратился к полковнику:

– Ну что, связист, будут еще вопросы по нашему статусу?

– Никак нет.

– Тогда так. Слушай сюда внимательно.

И Андрей довел до предателя то, что сказал генерал Потапов. От себя добавил:

– Надеюсь, ты понял, что живешь, пока сотрудничаешь с нами? Эффективно сотрудничаешь. В обратном случае... но я об этом даже говорить не хочу!

Сургин начал допрос. Но, как и ожидалось, Зинченко ничего существенного сообщить о замыслах Гулаева не мог. Да, его купили через подчиненного прапорщика-чеченца. Купили, организовав встречу с Гулаевым в поселке Урус-Керт. И использовали в получении информации, касающейся деятельности командования ОГВ. А в настоящее время в сбросе информации по планируемому теракту против министра обороны. И Андрей уже хотел прекратить разговор, передав право Потапову распорядиться судьбой Зинченко, как тот неожиданно произнес:

– Если вам интересно, то я всегда отслеживал, откуда со мной связывался Гулаев или кто из его заместителей, либо Хаджимурадов, либо Вахид Мулдашев.

Сургин встрепнулся. Ожил и Павлов. Спецы почувствовали, что сейчас узнают нечто важное, чему сам Зинченко придавал в лучшем случае второстепенное значение.

– Ну-ка, ну-ка, подробнее, полковник! И для начала, каким образом ты отслеживал места выхода на связь с тобой бандитов и в каких целях делал это?

Зинченко пожал плечами:

– Целей я не преследовал никаких, просто интересно было знать, где обитает Гулаев. А отслеживал с помощью специальной аппаратуры, к которой имею непосредственный доступ. Это не составляло труда, ведь переговоры велись на известной мне частоте и через аппараты, один из которых мне передал сам Гулаев при первой встрече в Урус-Керте.

– Ясно. Дальше.

Полковник вздохнул:

– А дальше оформилась такая картина. На меня сам Гулаев выходил шесть раз, четыре раза из южной оконечности ущелья Падающих Камней, что совсем рядом с грузинской границей, и дважды из того же Урус-Керта.

Сургин переспросил:

– Из Урус-Керта?

– Да! Скажу точнее, из дома или усадьбы, где мы с ним встретились впервые.

Андрей произнес:

– Так, к этому мы сейчас вернемся, кто еще и откуда выходил на тебя по связи?

Зинченко ответил:

– Один раз Мулдашев из Грозного. Из центра Грозного. И последний сеанс с Хаджимурадовым, когда он сбросил мне информацию, прошел из района за пределами Чечни, между станциями Егорьевской и Качалинской Ростовской области. Последние два сеанса, скорее всего, велись из движущихся объектов, из машин.

– Ясно. Вернемся к Гулаеву. Значит, четыре раза он связывался с тобой из ущелья и дважды из Урус-Керта?

Полковник подтвердил:

– Именно так!

– И что собой представляет усадьба в Урус-Керте?

– Большой кирпичный дом на окраине, у речушки, обнесенный высокой каменной стеной с железными воротами. За ними двор с топчаном под деревом, у колодца. Вода в нем чистая и холодная!

Андрей высказал свое мнение насчет колодца:

– Мне плевать, какая вода в этой усадьбе! Кто в ней обитает? Родственники Гулаева?

Зинченко покачал головой:

– Точно не скажу, но в день моего приезда в усадьбе находилась семья Нурпаши.

Сургин с Павловым переглянулись:

– С чего ты это взял? Видел женщин с детьми?

Полковник пояснил:

– Мы разместились на топчане. Разговаривали. А тут выбегает пацаненок лет пяти и к Гулаеву с криком: «Папа! Папа!» А Нурпаша вместо того, чтобы взять ребенка на руки, приласкать, как рявкнет: «Рада, Лиля, быстро сюда!» Из дома появляются закутанные во все черное женщины, а за ними еще три ребенка, девочки постарше. Гулаев приказал им: «Уберите немедленно Али, и чтобы я вас на улице не видел!» Те безропотно подчинились. Мальчик заплакал, когда его силком потащили в дом.

Сургин произнес:

– Интересно! И как после этого инцидента повел себя Гулаев? Как-то попытался объяснить его?

– Нет. Просто еще раз выругался по-чеченски и продолжил разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.